

ИНСТИТУТ НОВОГО
ИНДУСТРИАЛЬНОГО
РАЗВИТИЯ (ИНИР)
им. С.Ю. ВИТТЕ

ЧЕТВЕРТЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС
«ЭКОНОМИКА КАК ОБЪЕКТ
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ»

МАТЕРИАЛЫ

Санкт-Петербург
2019 г.

Институт
нового индустриального развития
(ИНИР) им. С.Ю. Витте

**ЧЕТВЕРТЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС
«ЭКОНОМИКА КАК ОБЪЕКТ
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ»**

14 и 16 мая 2019 года,
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова

Материалы

Санкт-Петербург
2019 г.

Материалы Четвертого международного политэкономического конгресса «Экономика как объект междисциплинарных исследований» / 14 и 16 мая 2019 года, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова/ Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. СПб.: ИНИР, 2019. – 94 с.

Материалы Четвертого международного политэкономического конгресса «Экономика как объект междисциплинарных исследований» / 14 и 16 мая 2019 года, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова/ Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. СПб.: ИНИР, 2019. – 94 с.

ISBN 978-5-00020-062-9

ISBN 978-5-00020-062-9

© **Институт нового индустриального
развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте, 2019**

*Редактор: Золотарев А.А.
Допечатная подготовка:
Чеканова Е.Е., Федоров А.В.*

Подписано в печать: 25.06.2019.
Тираж 1000 экз. 94 с.
Заказ № 26500456

Отпечатано в печатном цехе ЗАО «Монетная»
197101, Санкт-Петербург, ул. Большая Монетная, 16

формируется «постматериалистический менталитет», который исходит из приоритета неэкономических ценностей – личных свобод и индивидуальной самореализации. Такая тенденция существует (хотя я не стал бы ее переоценивать), но она не является аргументом против институциональной роли экономики.

K.Kh. Momdzhyan. The economy as an object of socio-philosophical consideration. The author considers the structural status of the economy, finding out its place among the subsystems, components and elements forming the society. Economics is understood as a set of subject-subject and subject-object relations arising in the process of production and distribution of subject wealth. The author refuses to recognize the economy as an independent subsystem of society, considering it as an infrastructure of public life, inherent in all its subsystems. Mixing the economy with the sphere of material production leads to serious theoretical errors, the example of which can be the theory of deproletarianization. The author considers discussion problems of the role of economy in public life, distinguishing institutional and behavioral aspects of this role. The institutional role of economics is, according to the author, a historical constant, while the role of economic motives in the activities of people may be different in different societies.

Keywords: philosophy, society, society structure, subsystems, components and elements of society, production, distribution, material production, social sphere, organizational sphere, spiritual sphere, economic structure, economic motivation.

Содержание

	Стр.
1. Введение.....	4
2. R. Desai. The past and future of the international monetary system	5
3. A. Freeman. Planning in the Internet age	36
4. С.Н. Бобылёв, Новые модели экономики и индикаторы устойчивого развития	60
5. С.Д. Бодрунов. Государство и технологическая революция: политэкономический взгляд	70
6. А.В. Бузгалин. Политико-экономическая теория и практики экономического бытия: проблемы собственности	76
7. К.Х. Момджян. Экономика как объект социально-философского рассмотрения	88

Введение

14 и 16 мая 2019 г. в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова в рамках Московского академического экономического форума прошел четвертый международный политэкономический конгресс «Экономика как объект междисциплинарных исследований».

Организаторами конгресса выступили Вольное экономическое общество России, Российская академия наук, МГУ им. М.В. Ломоносова, Международная инициатива по продвижению политической экономии (IPPE), Всемирная политэкономическая ассоциация (WAPE) и Институт нового индустриального развития им. С.Ю. Витте.

В работе конгресса приняли участие более 500 человек, представляющих ведущие российские и зарубежные научно-исследовательские центры, университеты, институты гражданского общества.

С приветственными докладами выступили д-р экон. наук, профессор, президент Вольного экономического общества России, директор Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте С.Д. Бодрунов и д-р филос. наук, член-корреспондент РАН, декан философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова В.В. Миронов. Они отметили необходимость дальнейшего развития политической экономии как одного из ключевых направлений экономической науки.

С пленарными докладами на конгрессе выступили д-р экон. наук, академик РАН, советник Президента РФ С.Ю. Глазьев, д-р филос. наук, академик РАН, директор Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН М.К. Горшков, д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой политической экономии экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова А.А. Пороховский, профессор Университета Кейо (Япония), вице-президент Всемирной политэкономической ассоциации Х. Ониши и другие известные ученые.

В данном номере публикуются статьи, подготовленные на основе докладов участников конгресса.

А.А. Золотарев, исполнительный директор ИНИР им. С.Ю. Витте, к.э.н.

вопросов об институциональной роли экономики и о роли экономических интересов и отображающих их мотивов в событийной активности людей.

На самом деле это два разных вопроса. Институциональная детерминация носит, по моему убеждению, универсальный характер, не знающий исключений. Конечно, существовали общества, в которых религиозная мотивация была неизмеримо сильнее экономической, где люди думали о политике несравненно больше, чем об экономической выгоде. Но и в этих обществах социальная и политическая инфраструктура (классы, сословия, государство) основывались не на религиозных заповедях или политических манифестах, а на разделении труда и распределении его продуктов, т. е. имели экономическую основу.

А вот весомость экономических интересов и экономических мотивов в поведении людей бывает разной, и эти различия нужно учитывать. В некоторых случаях это влияние очень велико. К примеру, опыт нашей страны показывает, что депривация жизнеобеспечивающих экономических интересов оказывает сильнейшее воздействие на образ жизни людей, в частности, делает их безразличными к высшим экзистенциальным ценностям (свободе, самоактуализации и пр.). Поэтому начинать модернизацию экономически неблагополучного общества с тотальной либерализации, игнорирующей тот факт, что свобода (в отличие от джинсов или кока-колы) есть продукт длительной исторической эволюции и не может быть введена декретом, это ошибка, чреватая тяжелыми последствиями.

Иначе обстоит дело в обществах, где жизнеобеспечивающие экономические нужды субъектов (как минимум, господствующих классов) удовлетворены. Здесь мы имеем другую тенденцию, которую можно наблюдать не только на примере античности и средневековья, но и на опыте современных развитых стран. Как пишет Рональд Инглхарт, в результате послевоенного прогресса, когда экономическое благополучие и защищенность от внешних угроз стали рассматриваться как естественное состояние человека, приоритеты людей переключились с жизнеобеспечивающих экономических нужд и потребности в безопасности на бытовые потребности, связанные с поддержанием качества жизни, а не сохранением ее факта. По мнению Инглхарта, в западных странах

диспозицию «собственник – наемный работник». Наемные рабочие в этих сферах вполне соответствуют экономическим критериям рабочего класса, хотя образ жизни этих людей существенно отличается от образа жизни Марксова пролетариата. История разомкнула связь между наемным трудом и непреходящей бедностью, в существовании которой был уверен К. Маркс, но это не значит, что она ликвидировала сами классы и классовые противоречия.

Смещение экономики со сферой хозяйства ведет к ошибочному пониманию не только ее места, но и роли в общественной жизни. Эту роль нередко путают с ролью материального производства, которая, согласно Марксу, состоит в том, что производство вещей создает продукты первой необходимости, а также необходимые средства труда для всех прочих видов всеобщего производства, что позволяет хозяйственной деятельности влиять на них и заставлять их служить своим целям.

Роль экономического уклада общественной жизни отличается от роли материального производства и имеет два разных измерения: *институциональное* и *поведенческое*. В первом случае речь идет о воздействии производственных отношений, образующих экономический базис общества, на иные уклады общественной жизни: *социальный*, в основе которого лежит распределение людей по социальным группам; *политический*, в его основе – распределение власти и влияния; *духовный* (не путать с духовной подсистемой), в основе которого лежит распределение стереотипов мышления и чувствования, именуемых культурой.

Идея институционального первенства экономики фиксирует устойчивые зависимости между экономическим статусом людей (их местом в отношениях собственности), их социальным статусом, присущей им мерой влияния и власти, а также свойственным им стилем мышления и чувствования.

Принцип институциональной роли экономики, лежащий в основе формационной типологии общества, вызывал и вызывает несогласие многих социологов и философов. Далекое не во всех обществах, утверждают критики, экономика играла определяющую роль. Античность, как известно, жила политикой, средневековье – религией. Что касается экономики, она доминирует на протяжении нескольких веков европейской истории и нигде больше. Я полагаю, что в основе подобной критики лежит необоснованное смещение

R. Desai¹

The past and future of the international monetary system

Despite signs over the decades that the world role of the dollar has been problematic, and much recent commentary pointing to signs that de-dollarization is happening, questioning of the role of the dollar in the international monetary system has been remarkably untheoretical and unhistorical fashion. Since no heap of facts, no matter how large, can amount to an argument, this is a serious intellectual liability. Moreover, the world has been paying, at least the 1980s, a heavy price for this lack of understanding. The purpose of this paper is to clear up this misunderstanding by pointing to the largely ignored intimate and necessary relationship between financialization – of the Western economies and the pressures they generate for the rest of the world to follow suit, exposing them to dangerous financial and currency volatility – and the dollar-centred international monetary system. This relationship can only be understood by putting the dollar's world role in the longer historical perspective of the modern international monetary system, going back to the role of the pound sterling under the so-called international gold standard.

Keywords: international monetary system, US dollar, gold standard, geopolitical economy, multipolar world.

When the neoliberal project was pioneered in the Anglo-American 'Lockean' heartland (van der Pijl 2006) of world capitalism as the 1970s turned into the 1980s, its proclaimed purpose was to revive capitalism, specifically Western capitalism. It had been ailing over the previous decade with the onset of the 'Long Downturn' (Brenner 1998). Almost four decades on, it should be clear to all but the most ideological neoliberals and the most inobservant that things have not gone according to plan.

---

¹ Radhika Desai, Professor in the Department of Political Studies and Director of the Geopolitical Economy Research Group at the University of Manitoba, President of the Society for Socialist Studies.

Neoliberalism failed to rejuvenate Western capitalism (notwithstanding mainstream opinion shared by some Marxists, such as Dumenil and Levy 2004, who insist against all evidence that it did). Instead, it has financialized capitalism and, inevitably, enervated it. As financial activities increased as a proportion of economic activities at the expense of productive activities and constrained them further, Western capitalism became reliant on asset bubbles to stimulate growth. Such growth could only be anaemic. With the increased consumption of a narrow elite facilitated by the 'wealth effects' of asset bubbles being the only demand stimulus and austerity the name of the game in government policy, investment slumped. Such anaemic growth, incapable of producing broad based prosperity, is all Western capitalism is now capable of, as its 'left' and 'right' wing commentators have admitted (Krugman 2103, Summers 2013).

If the benefits of this financialized capitalism were meagre, the costs were great. They included higher unemployment, restricted wage growth and historically unprecedented levels of inequality. In addition, there were periodic financial crises. Initially scattered throughout the world, these crises reached an early peak in the 1997 East Asian Financial Crisis. Thereafter, they increasingly homed in on Western capitalism's homelands, with the 2000 dot-com bust and then the 'mother of all financial crises' (so far), the 2008 financial crisis. The epicentre of both was the US, and more generally capitalism's Anglo-American heartland, although, thanks to monetary integration-related liberalization of the Eurozone's financial sector, it too became heavily invested in the US housing and credit bubbles, even more so than its US counterpart (Nesvetailova and Palan 2008). Inevitably then, the 2008 crisis laid the basis of the 2010 Eurozone crisis.

This costly financialized pattern of accumulation inevitably had political and geopolitical consequences. Domestically, the mire of low employment, declining real working class incomes and rising inequality, combined with the dissipation of the left, which was also a feature of the long neoliberal decades, Western countries have experienced a rise of dangerously authoritarian right wing politics. Internationally, slow Western growth (the chief nonWestern centre of capital accumulation, Japan, having entered 'secular stagnation' long before) combined with faster growth elsewhere. To be sure, the rest of the world had been neoliberalism's victim with so much of the Third World subjected to

Таким образом, я понимаю экономику как системную совокупность субъект-субъектных, субъект-объектных и объект-объектных отношений, возникающих в процессе разделения труда, распределения и обмена создаваемого им предметного богатства. Это не значит, что мы не вправе говорить об «экономической деятельности», имея в виду активность банков, бирж, экономических посредников и пр. Следует лишь помнить, что такая активность не составляет самостоятельный вид всеобщего производства, выступая как разновидность субъект-субъектной или субъект-объектной *коммуникации*, которая наряду с административным и политическим управлением представляет собой вид организационной деятельности людей. В этом плане деятельность банков, торгующих таким специфическим товаром, как деньги, или деятельность любых экономических посредников типологически идентична другим видам коммуникативной активности, создающей условия, при которых люди могут «встретиться» с необходимыми им субъектами или объектами.

Экономика не является самостоятельной подсистемой общества по той простой причине, что и хозяйственная, и организационная, и социальная, и духовная подсистемы имеют свою экономику, свою систему распределительных отношений, возникающих по поводу условий, средств и продуктов используемого в них труда.

Люди, считающие экономику самостоятельной подсистемой общества, как правило, отождествляют ее со сферой хозяйства, что ведет к целому ряду серьезных ошибок. Примером может служить известная теория депролетаризации, полагающая, что процесс автоматизации и роботизации материального производства ведет к радикальному изменению классовой структуры капиталистического общества: к ликвидации рабочего класса, который Маркс противопоставлял классу собственников средств производства.

На самом деле ни один класс никуда из истории не исчезает, поскольку производственно-экономические отношения, лежащие в основе классового деления, не ограничиваются сферой материального производства, хотя изначально возникают именно в ней. В ходе истории происходит дисперсия экономических отношений, они проникают в сферу образования, медицины, науки, искусства, создавая в этих подсистемах общества социальную

подсистем, в их основе лежат выделенные еще Марксом виды всеобщего производства, создающие элементы общества, без которых невозможно коллективное существование людей.

К числу таких элементов относятся: 1) *субъекты*, способные инициировать и контролировать целеполагающую активность, основанную на абстрактно-логическом, вербально-понятийном мышлении; 2) *вещи* – объекты практического назначения, с помощью которых субъекты изменяют природную и социальную среду своего существования, а также собственное тело; 3) *символические* объекты, представляющие собой опредмеченную информацию, посредством которой люди изменяют не сам мир, а свое представление о нем, программируют и координируют свое сознание; 4) субъект-субъектные, субъект-объектные и объект-объектные *связи и отношения*, представляющие собой устойчивые зависимости между организационно выделенными частями общественной жизни.

Как следствие мы имеем 4 подсистемы: *социальную*, продуктом которой является «непосредственная человеческая жизнь», т. е. субъекты деятельности; *хозяйственную* (Маркс называл ее сферой материального производства), в рамках которой создаются разнообразные объекты практического назначения – от орудий труда до вещей индивидуального потребления; *духовную* – ее продуктом являются знаково-символические объекты, представляющие собой средства и результат познания мира, его ценностного осознания и духовного проектирования, и *организационную* – ее продуктом являются, прежде всего, общественные отношения, которые Маркс именовал «формами человеческого общения».

Как видим, в перечне подсистем нет экономики. По-моему убеждению, она относится не к подсистемам, а к компонентам общества, из которых эти подсистемы состоят. В роли таких компонентов выступают *уклады общественной жизни* и возникающие на их основе *социальные группы и институты*. Экономика относится к укладам (или «порядкам») общественной жизни, которые имманентны подсистемам и отличаются от них тем, что организационной основой их возникновения являются не виды деятельности, образующие феномен «всеобщего производства», а распределительные отношения, возникающие в его процессе.

outright economic retardation in the 1980s and 1990s. Financialization also afflicted the rest of the world, as manifested in the series of financial crises suffered by so many non-Western countries in the 1990s or the more recent currency crises. However, enough countries largely escaped neoliberalism (like China), or adapted it (like India) or rejected it after an initial debilitating subjection to it (like Russia and many Latin American countries) to post far more robust growth rates in the neoliberal decades. This enabled them to begin gaining on the West in terms of their economic weight in the world economy, if not in per capita income terms (O'Neill 2001 brought this matter to the world's attention). This 'rise of the rest' has begun moving the world economy's centre of gravity away from the West for the first time in modern history, or, to put the same thing another way, for the first time since the origins of capitalism (Desai 2013b). This is also recognised under the label of 'multipolarity' (though, as discussed below, the world was already multipolar by the late nineteenth century; it has only become more so since).

This development has inevitably led to discussions about the possibility of the end of Western and, more specifically, US dominance in the world economy and, given that this dominance works so centrally through it, of the dollar-dominated international monetary system. However, there have been rather curious discussions. On the one hand, the largely US centred scholarship on the dollar system continues to insist that it remains robust. On the other hand, those who do not agree and point to contrary facts and trends do so in a remarkably untheoretical and unhistorical fashion. Since no heap of facts, no matter how large, can amount to an argument, this is a serious intellectual liability, and it permits the US orthodoxy to reign. This would not matter if most of the world was not paying and had not been paying since at least the 1980s a heavy price for this lack of understanding.

The purpose of this paper is to clear up this misunderstanding by pointing to the largely ignored intimate and necessary relationship between financialization – of the Western economies and the pressures they generate for the rest of the world to follow suit, exposing them to dangerous financial and currency volatility – and the dollar-centred international monetary system.

The corpus of writing on the dollar-based international monetary system and financialization is extensive. The former dates back to the early 1970s and Nixon's closing of the gold window. This was when 'hegemony stability theories' emerged to normalise the resulting situation,

proclaiming that the dollar could, should and would remain the world's currency (Kindleberger 1973 is generally regarded as the origin, though Kindleberger was forming his ideas about it for more than a decade before that, as Desai 2013 points out in her overview of hegemony stability theories). These theories have shaped the dominant understanding of the dollar's world role. It simply assumes that the world's money is, and has always been, the currency of the dominant economy, conferring on it an 'exorbitant privilege', as Valery Giscard d'Estaing called it. What passes for debate is focussed on minute details: the larger theme about the reality, desirability and endurance of the dollar as the world's currency is never subject to question. Indeed, such literature has honed the fine art of taking everything and its contrary as evidentiary grist for its mill. Consider the most obvious example: the strength of the dollar is taken for evidence that the dollar system is robust ('See how strong the dollar is!') and the dollar's weakness also attests to the same ('See, despite the dollar's weakness, the dollar-system is robust').

The contemporary financialization of Western economies began with neoliberalism, though the literature on it began to burgeon only in the new century (with works such as Epstein 2005 and Krippner 2005) and exploded with the 2008 financial crisis, which was seen as a culmination of financialization. Nevertheless, it is important to note that an awareness of the antithesis between an excess of necessarily speculative financial activity and production has long been a staple of political economy since the nineteenth century (including Marx: see the excellent discussion in Hudson 2010); important works began to appear much earlier than the 2000s (Hutton 1995 and Dore 2000); and Alain Lipietz drew attention to it already in the 1980s (Lipietz 1985), as the problem of financialization reasserted itself with the onset of neoliberalism, after the post-war decades of 'financial repression' through capital controls. The broad thrust of the literature on financialization has been critical, with an emphasis on the adverse consequences of financialization, including episodic but extremely destructive and dangerous financial crises, increases in inequality, poverty and insecurity, and decrease in demand and employment. While the causes of financialization are debated – is it the cause or the consequence of the aforementioned problems? – its link with the international monetary system is rarely, if ever, discussed. I address it in this paper.

Говоря о философском анализе экономики, я имею в виду традицию рефлексивного философствования, познающего окружающий мир в собственной логике его существования, которая дана субъекту познания принудительно и не зависит от его ценностных предпочтений. Такая традиция отличается от валюативной философии, которая не познает, а, по словам К. Ясперса, осознает мир, оценивает его, соотнося с потребностями и интересами живущих в нем людей.

Рефлексивная философия (в отличие от валюативной) имеет право претендовать на статус научного знания и является единственной наукой, для которой нет объектных запретов, и может анализировать любое явление окружающего мира при условии, что оно рассматривается, по Гегелю, через призму субстанциальной всеобщности и как ее момент.

Это касается любых общественных феноменов, которые становятся объектом рассмотрения рефлексивной социальной философии, изучающей социальную реальность как подсистему мира, рассматривающей общественную жизнь людей в ее целостности, всеобщности и исторических типах осуществления. Специфика социально-философского рассмотрения экономики состоит в том, что нас интересуют не имманентные законы экономической реальности, а ее место и роль в целостной социальной системе, именуемой обществом. Я назову несколько проблем, возникающих при таком рассмотрении.

Первая проблема касается *структурного статуса экономики*, конкретно – вопроса о том, должна ли она рассматриваться в качестве самостоятельной подсистемы общества или имеет более дробный статус компонента.

Хорошо известно, что сложные органические системы имеют три иерархически связанных уровня структурной организации: уровень *подсистем, компонентов и элементов*. К примеру, любой человек, изучавший анатомию, понимает уровневые различия между дыхательной подсистемой человеческого тела, ее компонентами в виде соответствующих органов и тканей и простейшими элементами – живыми клетками, из которых эти компоненты состоят.

С обществом все сложнее, здесь принципы выделения организационных частей не столь очевидны. Согласно деятельностному подходу, каждое общество состоит из четырех

К.Х. Момджян,
зав. кафедрой социальной философии и философии
истории философского факультета
Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова, профессор, д-р филос. наук

Экономика
как объект социально-философского рассмотрения¹

Рассматривается структурный статус экономики, определяется ее место среди подсистем, компонентов и элементов, образующих общество. Экономика понимается не как самостоятельная подсистема общества, а как совокупность субъект-субъектных и субъект-объектных отношений, возникающих в процессе производства и распределения предметного богатства. Смещение экономики со сферой материального производства ведет к серьезным теоретическим ошибкам, примером может служить теория депролетаризации. Рассматриваются дискуссионные проблемы роли экономики в общественной жизни, различаются институциональный и поведенческий аспекты этой роли. Институциональная роль экономики является исторической константой, в то время как роль экономических мотивов в деятельности людей может быть разной в разных обществах.

Ключевые слова: философия, общество, структура общества, подсистемы, компоненты и элементы общества, производство, распределение, сфера материального производства, социальная сфера, организационная сфера, духовная сфера, экономический уклад, экономическая мотивация.

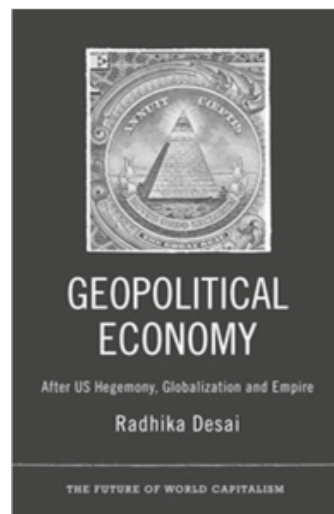
---

¹Текст подготовлен при поддержке РФФИ, проект № 18-011-01097 «Социальная теория и власть: современная российская перспектива», проект № 18-011-00980 «Социальная эволюция и прогресс как категории номотетического познания». Подготовка текста проходила в рамках деятельности ведущей научной школы МГУ им. М.В. Ломоносова «Трансформация культуры, общества и истории: философско-теоретическое осмысление».

Rethinking Relations between States in a Capitalist World

This requires a brief theoretical prelude into what I have called 'geopolitical economy' so that we may deal with the considerable theoretical confusion that plagues our understanding of what is generally known as international or global political economy. This field of study is dominated by US and Western scholars and social science (as opposed to historical, see Desai 2016) approaches. It is consequently designed to direct attention away from any ideas that may put US and US dollar dominance in question. In recent years, I have proposed an alternative approach in *Geopolitical Economy: After Globalization, US Hegemony, and Empire* (Desai 2013a, to be translated into Russian by S.Y. Witte Institute for New Industrial Development. For a short introduction to geopolitical economy, see Desai 2015a and, in Russian, Desai 2015b), which can help us comprehend, theoretically and historically, the actually questionable basis of both and enable us to understand the emergence of multipolarity today in a longer historical perspective. This approach allows us to understand the current conjuncture of US and Western decline, growing multipolarity and new international monetary and financial realities and prospects centred on China. It is an approach that is rooted in classical political economy which culminated in the work of K. Marx and F. Engels. This is in contrast to whereas the field alternatively called international political economy (IPE) or global political economy (GPE), which is rooted in neoclassical economics, the approach which displaced classical political economy because it had become politically inconvenient. Geopolitical economy also draws from those researchers who were critical of neoclassical economics, such as John Maynard Keynes, Karl Polanyi and more recent developmental state theorists, such as Alice Amsden, Robert Wade, Ilene Grabel and Ha-Joon Chang. Geopolitical economy also takes issue with the dominant interpretation of Marxism in what is called 'Marxist economics'. Marx was no 'economist', but rather, by resolving the antinomies of classical political economy, represented its culmination. Neoclassical economics emerged to contest the legacy of classical political economy and Marxism, which raised too many questions about capitalism to serve as its legitimation. For more than a century now, Marxist economists have sought to fit Marxism into the antithetical theoretical and methodological framework of neoclassical economics. Inevitably, this has led them to question the very basics of Marx's analysis of capitalism and its contradictions

discussed in Desai 2010, Desai 2016 and Desai 2017a²). Geopolitical economy returns to Marx's own analysis and makes the contradictions of capitalism central for its understanding. It also recovers another critical legacy of Marx, i.e. his understanding of nations as historical agents, which are as important as classes. Moreover, as the quote in Figure 1 drawn from his remarks on the US mercantilist theorist Henry Carey in the closing page of the *Grundrisse* indicates, Marx understood relations and struggles between nations in a capitalist world as being driven centrally by capitalism's contradictions, just as the relations and struggles between classes were.

... with Carey the harmony of the bourgeois relations of production ends with the most complete disharmony of these relations on the grandest terrain where they appear, the world market, and in their grandest development, as the relations of producing nations. .... What Carey has not grasped is that these world-market disharmonies are merely the ultimate adequate expressions of the disharmonies which have become fixed as abstract relations within the economic categories or which have a local existence on the smallest scale.

Marx, *Grundrisse*

Figure 1.

According to geopolitical economy, numerous interand intra-class contradictions and crisis tendencies of capitalism create imperatives for capitalist states. They are set out in Figure 2 (drawn from Desai 2016a³). To explain it briefly, capitalism's contradictions emerge from a variety of

² Available in Russian. Десаи, Р. К 150-летию «Капитала»: историзм в «капитале» и «капитал» в истории // Вопросы политической экономии. 2018. № 2. P.112–115; Десаи, Р. Ценность истории и история стоимости // Вопросы политической экономии. 2018. № 4. P.104–125.

³ Available in Russian. Десаи, Р. Ценность истории и история стоимости // Вопросы политической экономии. 2018. № 4. P.104–125.

the mainstream of economics, with the exception of a number of works by representatives of new institutional economic theory, does not pay much attention to this topic. Unlike the new institutional economic theory, representatives of the political economy direction investigate not only the forms of ownership and property rights, but also its socio-economic content, which is different in different modes of production. The author reveals the significance of this theoretical study for solving the problems of choosing the optimal model of ownership relations that are adequate for solving the problems of technological, social and humanitarian progress.

Keywords: ownership, content and forms of ownership, political economy, socio-economic development, technological progress.

17. Устюжанина, Е.В. Проблемы развития отношений собственности в современной российской экономике / Е.В. Устюжанина. – М.: ГУУ, 2006.

18. Хубиев, К.А. Превращение законов собственности товарного производства в законы капиталистического присвоения: взгляд из XXI века / К.А. Хубиев // Вопросы политической экономии. – 2018. – № 2. – С. 66–86.

19. Булавка-Бузгалина, Л.А. Маркс – XXI. Социальный прогресс и его цена: Диалектика отчуждения и разотчуждения / Л.А. Булавка-Бузгалина // Вестник Московского университета. – Серия 7: Философия. – 2018. – № 5. – С. 73–84.

20. Момджян, К.Х. Гипотеза общественного прогресса в современной социальной теории / К.Х. Момджян // Вопросы философии. – 2016. – № 10. – С. 36–46.

21. Бодрунов, С.Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка / С.Д. Бодрунов. – Изд. 2-е, испр. и доп. – СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2016.

22. Бодрунов, С.Д. Ноономика / С.Д. Бодрунов. – М.: Культурная революция, 2018.

23. Пороховский, А.А. Частные и общественные интересы как факторы развития в условиях цифровизации / А.А. Пороховский // Экономическое возрождение России. – 2019. – № 2. – С. 55–61.

24. Бузгалин, А.В. О стратегии опережающего развития России / А.В. Бузгалин, А.И. Колганов // Проблемы теории и практики управления. – 2017. – № 7. – С. 34–50.

25. Бузгалин, А.В. Социальные, материальные и финансовые ресурсы опережающего развития России / А.В. Бузгалин, А.И. Колганов // Проблемы теории и практики управления. – 2017. – № 9. – С. 13–24.

A. V. Buzgalin. Political and economic theory and practices of economic life: problems of ownership. The article reveals the potential of classical political economy in solving fundamental theoretical and strategic practical problems in the economy of the 21st century. The author shows the updated potential of this area and reveals it primarily on the example of the analysis of ownership relations. The article shows that

Crises of Capitalism: By Source and Form

Table 8.1 Crises by source and form

Source Form	Production	Realization	Money	Finance	Political	Geopolitical
Intra-class	Tendency of the rate of profit to fall (TRPF)	Disproportion	Deflation	Credit crunch/ speculative bubbles	Fiscal crisis	Uneven vs capitalist combined development
Inter-class	Profit squeeze	Overproduction/ underconsumption	Inflation	Mortgage crisis	Legitimation crisis	Uneven vs popular or socialist combined development

Source: Desai 2016.

Figure 2.

sources or areas necessary to any capitalism: production, realization, money, finance, politics and geopolitics. And they can take one of two forms. Firstly, they can be what one might call horizontal contradictions, emerging from the relations between capitals, i.e. emerging from their competition. Secondly, they can be vertical contradictions, emerging from the relations between capital and the classes and nations capital exploits. So, in the realm of production, for example, the famous Tendency of the Rate of Profit to Fall is the horizontal contradiction emerging from competition between capitals. It lowers the profit rate unless counteracted by other factors. The vertical contradiction in production is the profit squeeze in which, when organised workers are able to make demands for higher wages successfully, profits are squeezed if not compensated by other factors, such as rising productivity or prices. The table in Fig. 2 maps the principal interand intra-class contradictions that emerge in capitalism's main spheres. Of course, in addition to the contradictions that emerge from the contradictory dynamics of capital accumulation, capitalism also suffers from political and geopolitical problems, such as difficulties in legitimising a fundamentally unequal and unstable society and wars.

All these contradictions must be managed, and no agency is more important in doing so than the state. That is why the foundational tenet of geopolitical economy is the materiality of nations: contrary to most economic accounts, which, as we have seen, unfortunately include many Marxist ones, the state is not an incidental actor in capitalism, but is systemically necessary throughout its life. Of course, there is no guarantee that states will be successful in their actions.

Much has been written, both social scientific and historical, on states' domestic actions in managing accumulation, its contradictions and the class struggles resulting from it. However, since the classical theories of imperialism of Hilferding, Luxemburg, Bukharin and Lenin and the not dissimilar work of John A. Hobson, which Lenin praised, there have been few attempts to understand the international relations of a capitalist world in relation to any sufficiently critical and credible analysis of capitalism. Though there has been much activity in what some call 'Marxist international relations', this endeavour has been plagued with many problems, including the tendency to accept neoclassical economics or 'Marxist economics' and the corresponding tendency to separate 'the economic' from 'the political'. (Discussed in Desai 2010a, 2013a, Rioux 2015, Rolf 2015 and van der Pijl 2015).

To the understanding of class struggle and the roles of states in managing it domestically, geopolitical economy adds the understanding, long suppressed in Marxist scholarship, of nations and their historical agency as developed in classical political economy, Marx, later Marxists and their theories of imperialism and critics of neoclassical economics. Geopolitical economy argues that the state's essential role in managing capitalism's contradictions with both domestic and international actions underlines the 'materiality of nations'. To recover this understanding of both class and nations as historical agents, geopolitical economy particularly returns to the classical Marxist theories of imperialism, which were also the first theories of capitalist international relations, and the associated idea of uneven and combined development.

The result is an understanding of relations between states in a capitalist world driven by the contradictions of its capitalisms. Capitalist states compete with one another to externalise the consequences of the contradictions and crises and inflict them on colonies and weaker states. To develop the language of uneven and combined development, dominant

4. Московский, А.И. Современные экономические институты/ А.И. Московский. – М.: ТиРу, 2012.

5. Институциональная экономика. Новая институциональная экономическая теория /под общей ред. А.А. Аузана. – М.: ИНФРА-М, 2011.

6. Шаститко, А.Е. Новая институциональная экономическая теория / А.Е. Шаститко. – Изд. 4-е, перераб. и доп. – М.: ТЕИС, 2010.

7. Капелюшников, Р.И. Экономическая теория прав собственности (методология, основные понятия, круг проблем) / Р.И. Капелюшников. – М.: ИМЭМО, 1990.

8. Капелюшников, Р.И. Незащищенность прав собственности и ее экономические последствия: российский опыт / Р.И. Капелюшников // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2012. – № 1. – С. 150–153.

9. Колесов, Н.Д. Общественная собственность на средства производства – основное производственное отношение социализма / Н.Д. Колесов. – Л., 1967.

10. Курс политической экономии / Н.А. Цаголов: в 2 т. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – М.: Экономика, 1973.

11. Шкредов, В.П. Метод исследования собственности в «Капитале» К. Маркса / В.П. Шкредов. – М.: Изд-во Московского университета, 1973. – 262 с.

12. Хубиев, К.А. Трансформация отношений собственности в России в конце XX века: теоретические основания и практические решения / К.А. Хубиев // Управление собственностью: теория и практика. – 2006. – № 4. – С. 66–74.

13. Хубиев, К.А. Модернизация и отношения собственности / К.А. Хубиев // Экономист. – 2010. – № 9. – С. 14–22.

14. Собственность в экономической системе России / под ред. В.Н. Черковца, В.М. Кулькова. – М.: ТЕИС, 1998.

15. Бузгалин, А.В. Поздний капитализм и его пределы: диалектика производительных сил и производственных отношений (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса) / А.В. Бузгалин // Вопросы политической экономии. – 2018. – № 2. – С. 10–38.

16. Бузгалин, А.В. Трансформации социальной структуры позднего капитализма: от пролетариата и буржуазии к прекариату и креативному классу? / А.В. Бузгалин, А.И. Колганов // Социологические исследования. – 2019. – № 1. – С. 18–28.

типичные для классического капитализма); коллективная собственность группы работников на средства производства (например, кооператив) или просто маленькое государственное предприятие. Все ли они в равной степени заслуживают государственной поддержки?

И еще один вопрос, достойный обсуждения: действительно ли обществу и государству как его представителю все равно, какие именно отношения собственности складываются в рамках национальной экономической системы – наемного труда или социального партнерства; общественного присвоения или концентрации основного экономического богатства в руках нескольких процентов населения? Лозунг Дэн Сяопина: «Не важно, какого цвета кошка, лишь бы она ловила мышей» – даже на его родине не абсолютизируется: контролирующая экономические процессы КПК жестко следит за сохранением ключевых ресурсов развития и основных каналов экономико-политической власти в руках государства...

Подчеркнем: все эти постановки в данном тексте не случайно остаются только на уровне вопросов. Наша задача не в том, чтобы дать на них определенные ответы (авторы [24–25] предложили свою версию), а в том, чтобы показать, на какие практически значимые вопросы необходимо давать ответы, если мы проводим политико-экономическое исследование отношений собственности. Причем практически значимыми в данном случае будут не только чисто хозяйственные, но и экономико-политические, и социально-экономические, и даже культурно-идеологические вопросы. В этом, в частности, состоит специфика политической экономии.

Литература

1. Гэлбрейт, Дж. Новое индустриальное общество / Дж. Гэлбрейт. – М.: Прогресс, 1969.
2. Гэлбрейт, Дж. Экономические теории и цели общества / Дж. Гэлбрейт. – М.: Прогресс, 1979.
3. Бодрунов, С.Д. (ред.) Гэлбрейт: возвращение / под ред. С.Д. Бодрунова. – М.: Культурная революция, 2017.

states seek to maintain unevenness and *complementarity* between their more productive and subordinate nations' less productive structures. Some countries are, however, able and willing to resist such subjection, imminent or actual, through state-directed development or combined development aimed at establishing *similarity* of productive structures. This dialectic of capitalist international relations between dominant and contender nations has been solely responsible for spreading productive capacity around the world. By doing so, it had already made the world multipolar with the 1870s industrialization of the first challengers to UK original industrial and imperial supremacy: Germany, the US and Japan. Since then multipolarity has advanced further, including through the industrialization of the USSR, to the contemporary rise of China, the resurgence of Russia and the emergence of other economies today.

The Geopolitical Economy of the International Monetary System

Thus geopolitical economy restores the element of contestation in our understanding of the capitalist world order. It now becomes possible to see that such contestation destabilises all international imperial domination. Historically, it has made it difficult for the pound sterling to serve as the world's money and impossible for the dollar to do so. The reasons, in both cases, are the same: currencies are necessarily national and nation-states are necessarily not world states. National currencies could not stably serve as world currencies as soon as contender contestation challenged the necessary, but also necessarily brief dominance of the first industrialiser.

The stability and neutrality of the gold-sterling standard is a myth. In reality, as Marcelle De Cecco (1984) argued long ago, to understand it we need not David Ricardo with his Panglossian view of the mutual benefits of free trade, but Friedrich List with his frank appreciation of the reality of international dominance and contestation. The gold sterling standard rested not on an alleged solidity of gold, but on authoritarian and imperial foundations. Authoritarian politics domestically permitted Britain and other member countries to impose the costs of adjustment on working classes. Internationally, the British Empire provided the surpluses through which Britain supplied the world with liquidity by exporting capital.

It is widely appreciated that these capital exports relied on 'the colonies'. While the classical theorists of imperialism were right to note this, they were more concerned with the effects of imperialism on Europe itself, chiefly how competition for colonies would, and did, lead to war. So they did not make the historically fateful distinction between the white-settler colonies, such as the (former colony) the United States, Canada and Australia, and the non-settler colonies, such as India, the Caribbean or Africa. Just how fateful this distinction was becomes clear when we note that *capital was available for export thanks to surpluses drawn from the non-settler colonies directly and indirectly*. Directly, the surpluses came from taxation. Indirectly, they came from the trade surpluses the non-settler colonies ran with the rest of the world by exporting chiefly low-priced primary products. The hard currency proceeds of these trade surpluses were appropriated by Britain, and they more than compensated for her trade deficits. Britain may have been the first industrialiser and once the 'workshop of the world', but by the late nineteenth century, the heyday of the so-called gold standard, it was facing competition from contender industrialisers like the US, Germany and Japan, which pursued state-led, protectionist, combined development.

By contrast, Britain, despite the industrial decline it now began to experience in the face of this competition, preferred to adhere to freer trade policies rather than prioritise addressing her industrial decline through a state-directed revival of her industry. Doing otherwise would have compromised the interests of the aristocratic landed and financial class that continued to rule her, notwithstanding being home to the Industrial Revolution (this point has been the subject of much discussion, originating on the left but then also accepted in mainstream scholarship. See Anderson 1987, Ingham 1984). What is important for our purposes, however, is that this approach *permitted Britain to export capital rather than invest it at home and export it to the white-settler colonies, including the United States, all of which began or accelerated their industrialization in the late nineteenth century* (detailed figures available in Feis 1964). Figure 3 displays the flows from the non-settler colonies, via the United Kingdom, to the settler colonies.

Не менее значимы в практическом отношении выводы из политико-экономического анализа содержания отношений собственности, которые складываются в рамках как частного, так и общественного секторов российской экономики. Для этого исследователю надо ответить на вопросы о том, в чьих интересах, под чьим контролем и на какие цели работают крупнейшие частные и государственные предприятия России (не только сырьевой комплекс, но и финансы, образование, здравоохранение и т. п.). При этом мы не должны забывать, что с точки зрения политической экономии государственный аппарат в той или иной экономической системе в своей хозяйственно-политической деятельности может ориентироваться на интересы общества в целом, господствующего слоя собственников, свои узкогрупповые интересы или определенное соотношение этих интересов³.

Еще один практически значимый аспект политико-экономического исследования собственности связан с методологией и, как следствие, методикой выделения форм собственности. Чисто юридический или чисто количественный подходы к этому вопросу при всей своей простоте и удобстве во многих случаях не позволяют понять, какое реальное содержание скрывается за той или иной формой. Это касается, в частности, государственных предприятий. Они могут быть чисто коммерческими организациями, работающими на увеличение прибыли, значительная часть которой расходуется на содержание топ-менеджеров, футбольных команд и т. п., а могут быть учреждениями, по определению призванными работать на принципиально не измеряемый в рублях социальный эффект, а не на максимизацию прибыли или добавленной стоимости.

Не менее важна и проблема «малого бизнеса». Эта форма скрывает качественно различные социально-экономические отношения: семейное предпринимательство, основанное на единстве труда и собственности; частные капиталистические предприятия, основанные на использовании наемного труда физическим лицом, являющимся собственником средств производства (отношения,

---

³ Проблема обеспечения оптимального соотношения частных и общественных интересов (и соответственно, обеспечения аналогичного баланса в сфере отношений собственности) как одного из базовых условий развития современной экономики в условиях ее цифровизации анализируется в [23].

Каковы же практические интенции, обусловленные этими теоретическими постановками?

3. Политэкономическая трактовка собственности: практическое значение

Прослеживание прямых и однозначных связей между теоретическими тезисами и практическими рекомендациями – задача не самая простая и во многих случаях неблагодарная. Мы постараемся в первом приближении указать на некоторые важнейшие практически ориентированные выводы, которые можно сделать при использовании политико-экономических методов исследования отношений собственности.

Так, исследование содержания господствующих отношений собственности в рамках определенного хозяйственного комплекса позволяет, в частности, показать, к какому типу экономических систем он относится. Этот вопрос можно было бы отнести к разряду чисто академических, если бы не наличие некоторых далеко идущих выводов, обусловленных диагностикой содержания той или иной системы, например, российской экономики начала XXI в.

Вспомним поговорку: «Как корабль назовешь, так он и поплывет». Дело, конечно, не в названии, а в определении (намеренно повторим!) основы данной экономической системы. Что это? Рыночная экономика? Но какая? Рынок был формой взаимосвязи производителей в самых разных системах – от античного полиса до «югославского социализма». И здесь неизбежно возникнут вопросы: кто является собственником основных экономических ресурсов в России, кто контролирует основные каналы экономико-политической власти, насколько прогрессивна (а не просто экономически эффективна) существующая система отношений? Ответы на эти вопросы принципиально значимы для решения ключевых, стратегических проблем социально-экономического развития страны, для решения вопроса о необходимости (или вреде) глубоких социально-экономических реформ или, возможно, качественных преобразований (последние решения принимались историческими акторами в нашей стране в XX в., как минимум, дважды) и т. п.

Surpluses from non-Settler Colonies Capital Exports to Settler Colonies

Figure 3.

These facts, essential to understanding the past and future of the international monetary system, are rarely noted, largely so that the essential contribution of the colonies to the industrialization of the capitalist core and the harm colonialism did to the colonies are safely obscured or even actively denied when intellectuals from colonies, such as India, draw attention to them. As Utsa Patnaik, who has done sterling work in uncovering this matter (see, inter alia, Patnaik 2006 and 2017) points out.

The literature on economic imperialism .... reveals little awareness of even the *fact of the existence of transfers*, let alone the sheer *scale* of the transfers involved, or the specific real and financial *mechanisms* through which these transfers were effected. In India, the largest colony of the first world capitalist leader, Britain, a rich discussion dealing with transfers, termed the ‘drain of wealth’, has been taking place from the time that the phenomenon was pointed out over a century ago by Dadabhai Naoroji and R.C. Dutt. The literature on industrial transition in the core countries in the eighteenth–nineteenth centuries ignores almost completely this existing discussion on the drain of wealth, or transfers from the colonies.

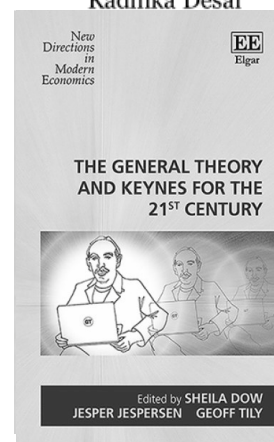

The mainstream interpretation posits a purely internal dynamic for the rise of capitalist industrialization, and some authors argue that the colonies were a burden on the metropolis which would have been better off if they had been ‘given away’ (Patnaik 2017, 277).

The studied silence on this matter has been so effectively maintained that no one in the vast body of Keynes scholarship, while praising the perspicuity of John Maynard Keynes’s first book *Indian Currency and Finance* (1913), asked how a work on Indian monetary affairs could become a primer on the operation of the gold standard. It could only do so because colonies in general and India, the Jewel in the British Crown, in particular, were central to its operation. The centrality was such that the so-called gold standard should have been, more accurately, named the colonial standard, so little did gold have to do with it and so much the colonies, as the quote in Figure 4 (Desai 2018a) makes clear.

‘John Maynard Pangloss: *Indian Currency and Finance* in Imperial Context’

Radhika Desai

• Not only was Moggridge right that Keynes’s ‘writings on India reflected what might be called the India Office view of the world’ (Moggridge 1992, p. 203), the India Office in these years was a central part of what would later be called the ‘City-Bank-Treasury’ nexus (Ingham 1984). For, given India’s centrality to the operation of the gold standard, the India Office was its engine room, where the fuel of the home charges turned its big wheels of credit and Keynes was the protégé of its key engineers like Lionel Abrahams. In ICF, he merely put down their understanding of how they worked the gold standard, managed money and economised on gold, and made minor suggestions on how it might be improved to better serve the same purposes. While there was intellectual merit in his lucid and informative synthesis, that is all it was.

Figure 4.

Even with the advantages the British Empire afforded, Britain’s position in the international monetary system was not unassailable. The critical thing to understand here was that the so-called gold standard system was not a uniform one, but consisted of very different countries

работников, с другой – новые формы их кооперации («отношенческий контракт») [15–18].

Одним из следствий такой постановки вопроса является исследование любой конкретной экономической системы под углом зрения проблемы, редко акцентируемой исследователями, далекими от марксизма. Это проблема *социально-политически* определенного субъекта, присваивающего и использующего в своих интересах результаты функционирования основных объектов собственности, имеющихся в данной экономической системе – фирме, стране, мировом хозяйстве. В более простой и менее точной формулировке это вопросы о том, *кому по преимуществу принадлежит общественное богатство той или иной страны, как и для чего оно используется*. Кроме того, ответ на несколько иной, но прямо с этим связанный вопрос, – *какая социально-политическая структура контролирует основные права собственности (воспользуемся языком нового институционализма) в данной экономической системе – также сопряжен с вопросом о способах присвоения общественного богатства и его отчуждения (если оно присутствует) от работника*.

Наконец, с точки зрения марксистской теории правомерно говорить о большей или меньшей прогрессивности тех или иных систем отношений собственности, и эта проблема не сводится к вопросу о большей или меньшей рыночной эффективности предприятий, имеющих ту или иную форму собственности. Различие принципиально: в одном случае мы говорим о содержании отношений собственности, во втором – о ее форме. Не менее важно, что критерии прогресса и рыночной эффективности не совпадают [19, 20]. В последнем случае нам хотелось бы акцентировать развиваемое в работах С.Д. Бодрунова [21, 22] положение о приоритетной роли технологического развития как основания социально-экономического и гуманитарного прогресса, ведущего к формированию нового качества общественного бытия – ноономики. Дискутируя с автором этой теории о мере глубины и радикальности преобразований в сфере производственных отношений и политической системы (мы, в отличие от автора «Ноономики», не отрицаем прогрессивной роли социальных революций), подчеркнем, что, на наш взгляд, С.Д. Бодрунов в своей новой теоретической модели реализует методологию, имеющую политико-экономические корни.

Так, частная собственность в Европе эпохи классического феодализма базировалась на системе отношений внеэкономического принуждения (крепостничестве, вассалитете и др.) и перераспределялась преимущественно посредством более или менее легитимизированных отношений насилия и кровно-родственных союзов. В эпоху классического капитализма частная собственность базировалась на отношениях наемного труда лично свободного работника и собственника капитала, перераспределяемого посредством преимущественно более или менее легитимизированных (не забудем о мошенничествах, теневой экономике и т. п.) рыночных отношений. Точно так же государственная собственность в восточных деспотиях имела иное содержание, чем государственная собственность (например, в сфере образования) в условиях современной скандинавской модели капитализма. Запомним этот вывод. И не забудем выделить два важных следствия.

Первое: экономическая теория должна избавиться от иллюзии, что единственный объект ее изучения – система отношений, сложившихся в последние десятилетия в странах ядра. История, как и география, имеют значение! В разных социовременных и социопространственных подсистемах экономики существуют разные по содержанию отношения собственности, не сводимые к набору привычных стереотипов «рыночной экономики», даже если их юридические формы весьма схожи.

Второе: прежде чем говорить о роли, значении, месте и эффективности форм собственности, следует определить их содержание.

В-третьих, важнейшей стороной, определяющей содержание собственности, является исторически определенное отношение соединения работников со средствами производства. Специфика этого отношения лежит в основе различия крупных, исторически особенных экономических систем (в марксистской терминологии – способов производства). Этот тезис важен еще и потому, что в настоящее время происходит глубокая трансформация содержания отношения труда и капитала, обусловленная ростом роли и масштабов применения творческой деятельности. Дополнением наемного труда индустриального работника становятся, с одной стороны, новые формы подчинения капиталу креативных

with very different aims and roles. Britain was, of course, its centre, with the Bank of England playing, as Keynes memorably described it, the role of the conductor of an international orchestra. But its members were far more wilful and the overall sound considerably more cacophonous than Keynes' glib analogy suggests.

Contrary to the idea of the gold standard as a sort of automatic, neutral international measure of competitiveness, none of the countries that joined the gold standard, leaving the silver standard that had prevailed until then, had «... the slightest intention of linking their countries to an international monetary system which would then automatically produce a kind of international economic meritocracy, based on differences in prices and interest rates among the various nations. ... The various governments adopted such economic policies as they deemed would *best serve the interest of the ruling classes*» (De Cecco, 1984, 60-61).

While gold appreciated, some countries, such as the oligarchical primary commodity exporters, Austria-Hungary and Russia, remained with depreciating silver (*ibid.*, pp. 51-2). Moreover, the countries which adopted the gold standard did so for varied reasons: to escape the depreciation of silver or to obtain credit. Moreover, the system could be and was challenged. Countries like Germany joined the gold standard not to subordinate themselves to sterling, but to challenge it with a gold-backed mark. As a contender industrialiser, Germany wanted to gain international acceptability for its own currency as part of a drive to expand market share (*ibid.*, ch. 3).

The result was international monetary instability. After all, 'a stable gold exchange standard could exist only so long as the political sovereignty of the centre countries *vis-a-vis* the periphery remained unchallenged' (*ibid.*, p. 57). So, 'the system was stable while it remained a Sterling Standard, and ... it began to oscillate more and more dangerously, till its final collapse in July 1914, as Britain declined and other large industrial countries rose to greater prominence, and adopted the Gold Standard [i.e. sought to become key currency countries] as a form of monetary nationalism, in order to deprive Britain of her last power, that of control over international financial flows' (*ibid.*, pp. vii-viii).

This international challenge was joined by a domestic one. As we have seen, a gold standard could only work as long as the working classes remained unorganised and unable to resist the discipline of adjustment,

usually the lowering prices and wages, whenever there was a trade deficit. Eichengreen's (1992) account is celebrated for pointing to the role of organised labour in undermining the gold standard. However, he appears to believe it began in the interwar years when, in fact, even Britain's legendary commitment to the gold standard was weakening well before 1914, inducing it to avoid its 'discipline' and 'adjustment' 'rather than continuing to accept the sacrifice of domestic unemployment' (Block 1977, p. 14; Lindert 1969, pp. 74-5) in the face of an increasingly organised working class.

For both these reasons, international and domestic, Britain's commitment to the goldsterling standard was wavering well before the First World War and not, contra Eichengreen, only after it.

John Maynard Keynes may have had a Panglossian attitude to the gold standard in 1913, admiring it unreservedly in *Indian Currency and Finance* and delighting in proposing little tweaks that would make it function better. After all, at the time Britain was still the directing centre of the international monetary system. However, this would change, drastically and rapidly. The Thirty Years' Crisis (1914-1945) during which Britain suffered the steepest decline of any nation, going from the premier imperial power to a weak national economy imminently to lose its colonies, also led Keynes on a long intellectual journey whose leitmotif was his thinking on international monetary matters. It grew ever more critical of the goldsterling system in tandem with Britain's decline and his growing awareness that the US coveted the international monetary role Britain had once played, centrally involved as he was with questions of British economic policy. By the 1940s as head of the British delegation to Bretton Woods, he was proposing such a radical overhaul of the international monetary system that it would be, in nearly every substantive aspect, the opposite of the gold sterling system (argued in Desai 2015 and further elaborated in Desai 2018).

Keynes' proposals recognised that in the absence of a world state, world money was impossible. He was also acutely aware that as the US dollar became more important, Britain faced subordination of its monetary policy to a foreign power. This was the opposite of what Britain needed, not least because, given the parlous state of its industry, Britain needed statedirected productive investment if it was to maintain its living standards and export and earn enough foreign exchange to fund its historically large import needs. The reason why these proposals found

2. Собственность: политико-экономическая трактовка

Рассмотрим достижения и проблемы в исследовании вопросов собственности в работах представителей марксистского направления политической экономии, не слишком увлекаясь историей вопроса. Остановимся на наиболее известных тезисах марксистской теории собственности.

Во-первых, собственность есть общественное отношение между людьми, возникающее по поводу присвоения и отчуждения благ, а также распоряжения ими и их использования. Выделение последних трех аспектов, равно как их расшифровка и детализация (в духе системы прав собственности, «открытых» новыми институционалистами), – достижение отнюдь не марксистов-политэкономов. Как уже отмечалось, эти аспекты собственности были хорошо известны юристам уже давно. К числу достижений политэкономов следует отнести выделение экономического содержания отношений собственности и акцент на том, что это базисное, объективное общественное отношение, а не только некоторая правовая форма.

В политэкономической среде по этому поводу шли и идут серьезные дискуссии. С точки зрения одних [9], собственность – это особое производственное отношение, определяющее главное производственное отношение, детерминирующее содержание исторически особой экономической системы (способа производства). По мнению других [10], собственность есть всего лишь особая сторона всей системы производственных отношений, которые и составляют содержание отношений собственности определенного способа производства. Не уходя в детали этих дискуссий и оставляя в стороне весьма интересные и оригинальные работы авторов, которых трудно отнести к представителям той или иной позиции (например, [11]), отошлем читателей к исследованиям, анализирующим эти вопросы [12–14], и зафиксируем важный для дальнейшего анализа вывод: любая форма собственности имеет свое экономическое содержание, определяемое как исторически конкретное, объективное производственное отношение (или производственные отношения).

Во-вторых, отсюда следует, что в разных экономических системах формально сходные отношения собственности могут иметь принципиально разное социально-экономическое содержание.

спецификация прав собственности; 2) появляются «внешние эффекты»; 3) трансакционные издержки не только не равны нулю, но приближаются к трансформационным. Вот здесь начинается пространство, где за право ответить на вопрос о роли отношений собственности в решении проблем социально-экономического развития соперничают классическая политическая экономия и новый институционализм.

Напомним важнейшие достижения последнего. Во-первых, постановка проблемы прав собственности имеет не только академическое, но и практическое значение, ибо спецификация этих прав и обмен ими – это сложнейшая экономико-правовая проблема, сопряженная со значительными издержками. Последнее актуализирует проблему их минимизации и все вытекающие отсюда вопросы. Во-вторых, эта теория выделила многообразие данных прав (см., например, [6]), что стало основанием для исследования и решения экономистами массы хозяйственных вопросов, хорошо известных юристам со времен Ренессанса, а то и Античности. В-третьих, новая институциональная теория акцентировала проблему многообразия форм собственности и поставила в ряд актуальных теоретико-экономических проблем вопросы национализации, приватизации и путей развития смешанной экономики, а также множество производных проблем. Последний круг вопросов приходилось решать и неоклассикам, большинство из которых, впрочем, ограничивалось констатацией аксиоматичного в рамках этой теории положения о большей эффективности частной собственности по отношению к государственной. Работающие в рамках неоклассической парадигмы теоретики, утверждающие, что форма собственности имеет мало значения (если вообще его имеет), или что государственная собственность в ряде сфер более эффективна, чем частная, принадлежали и принадлежат к меньшинству. Все это хорошо известно любому современному экономисту-теоретику.

Теоретические исследования представителей классической политической экономии по проблемам собственности современным исследователям известны гораздо меньше, хотя для решения практических проблем они не менее значимы.

wide support was that in speaking for a country that was being inexorably transformed from a powerful imperial to a weak national economy, Keynes's proposals would be closer to what most countries in the world needed (as argued in Desai 2009).

Rather than being run by the most powerful country, the system Keynes originally proposed at Bretton Woods would be a truly multilateral system dominated by no country or national currency. In the proposed system, national currencies would not be pegged to gold, but to a multilaterally created currency, which Keynes named 'bancor'. It would be used only for settling imbalances between central banks, and its value would be governed not by the price of gold, representing the financial interests of a narrow wealthy elite, but by a basket of primary commodities systemically important in world trade. That would represent a wider popular interest in productive expansion and monetary stability. This peg to primary commodities rested on Keynes's recognition that it was specifically their rising prices (along with those of labour) that typically triggered inflation and decline in the value of money, an insight developed recently by Prabhat and Utsa Patnaik in their brilliant work *A Theory of Imperialism* (Patnaik and Patnaik 2016). Nor would the peg be perpetual: it could be changed if circumstances required it.

Keynes's proposals also recognised the necessity of subordinating the financial system to production and proposed capital controls, confining the options of financial capital to its respective national economy. They would permit more effective national regulation of financial sectors, gearing them to financing productive, long-term investment rather than unproductive, even counter-productive, short-term speculation, and the management of national economies for full employment without having to worry about the exchange rate implications. Finally, recognising the harm stronger countries could wreak on weaker ones, chiefly through the mechanism of adjustment to current account deficits, Keynes proposed that the International Clearing Union (ICU), the institution that would govern bancor, would discourage persistent imbalances, surpluses as well as deficits, on both trade and capital flows. He also proposed creditor and surplus country co-adjustment for trade and financial imbalances, making it incumbent on the trade surplus country to accept more imports as it did on trade deficit countries to export more (and consume less) and it recognised the co-responsibility of creditors as well as debtors for any credit/debt relationship.

This set of features promised to convert the normally deflationary process of adjustment into an expansionary one. It would also prevent the accumulation of strength at some poles and the compounding of disadvantage at others. It made the economic strength and development of weaker countries a responsibility of the system in general and the stronger countries in particular.

The Dollar Non-System: The World-Wide Cost of Vanity

At the end of the Second World War, the folly of national currencies serving as the world's money was clear. The authoritarian and imperial world that had underpinned the sterling system was no longer. The domestic power of working people in countries around the world had grown too large to permit the burden of adjustment to be inflicted on them, and the forces of national liberation were too strong to permit the extraction of surpluses that had furnished liquidity hitherto. So, how did the dollar, which was after all just another national currency, become the world's money? Was it sustainable? The short answers are that it was imposed by force and was not sustainable.

As is inevitable when powerful interests are involved, much confusion surrounds the international monetary system, a confusion compounded by dominant scholarly currents, which, as we have noted, have worked at once to mystify and normalise the dollar system, all the more energetically after 1971 when it became even more volatile, opaque and questionable.

Keynes' proposals were defeated by Bretton Woods not by Harry Dexter White's, as is often supposed in hegemony stability theories. White's proposals were a mere variation on Keynes' (Skidelsky 2002). Despite both seeking an international monetary system that would be more equitable and reflect interests wider than those of the US, US policy-makers insisted on making the dollar the world's money (Block 1977 is also useful here) in a vain effort to emulate the gold-sterling standard (Desai 2009 and 2013). Indeed, US policy and political elites had been seeking to emulate British dominance and become 'the managing segment of the world economy' (Parrini 1969) ever since they realised it was waning in the early years of the twentieth century. They realised, of course, that it would have to be a sort of 'dominance lite'. After all, in an age when other major capitalist countries had already staked their claim to much of the world territory available for colonization and when

рассматривается как наука, ориентированная на решение преимущественно академических задач и далекая от актуальных практических вопросов. На самом деле это далеко не так. Многие теоретические положения современной классической политической экономии имеют непосредственное отношение к хозяйственной жизни. Об этом мы уже писали, поэтому в данной статье остановимся на политикоэкономическом анализе отношений собственности.

1. Собственность как объект теоретико-экономических исследований

Теоретическое исследование отношений собственности – проблема чрезвычайно важная. В любой экономической системе трудно найти более сложные и актуальные вопросы, чем вопросы о том, кто, как (посредством каких экономических отношений) и что присваивает; от кого и как отчуждает; в чьих руках и какое общественное богатство концентрируется и кому, в конечном итоге, принадлежит.

Однако, подавляющее большинство исследователей второй половины XX в. и начала нынешнего столетия обходят проблему отношений собственности стороной. Исключение составляют два течения: институционализм (и так называемый классический, и так называемый новый²) и марксизм. Представители последнего вот уже более 150 лет рассматривают вопросы собственности самым пристальным образом, при этом наибольший интерес к ним отмечен в середине XX в. (в рамках советского марксизма).

Неоклассическая экономическая теория редко затрагивает вопросы собственности, что понятно: с точки зрения этой теории права собственности при условии их четкой спецификации не оказывают влияния на экономический процесс и от них можно абстрагироваться. Проблемы возникают: 1) когда нарушается

---

²Что касается классического институционализма, прежде всего отметим работы Дж. Кеннета Гэлбрейта [1, 2], вклад которого подробно раскрыт в монографии [3]. Подробнее о классическом институционализме см.: [4]. Исследования нового институционализма по проблемам собственности, прежде всего экономическая теория прав собственности, известны гораздо шире [5–8].

А.В. Бузгалин,
главный научный сотрудник Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации,
профессор кафедры политической экономии
экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова,
д-р экон. наук, профессор

Политико-экономическая теория и практики
экономического бытия: проблемы собственности¹

Анализируется потенциал классической политической экономии в решении фундаментальных теоретических и стратегических практических проблем в экономике XXI в. Обновленный потенциал этого направления раскрывается на примере анализа отношений собственности. Показано, что основное направление экономической науки (за исключением ряда работ представителей неинституционализма) не уделяет должного внимания этой теме. Представители политэкономического направления исследуют не только формы и права собственности, но и ее социально-экономическое содержание, которое различно в разных способах производства. Подчеркивается важность теоретического исследования при выборе оптимальной модели отношений собственности, адекватных для решения задач технологического, социального и гуманитарного прогресса.

Ключевые слова: собственность, содержание и формы собственности, политическая экономия, социально-экономическое развитие, технологический прогресс.

Политическая экономия (мы имеем в виду классическую политэкономия, а не то направление, которое в настоящее время чаще всего обозначают термином «political economics»), как правило,

¹ Статья выполнена в рамках Научно-исследовательской работы по теме: «Развитие теории отношений собственности в современном обществе» государственного задания Финансового университета при Правительстве Российской Федерации на 2019–2020 гг.

nationalism was also on the rise, the US could hardly hope to amass an empire remotely comparable to the UK's.

Even such 'dominance lite' was, however, now impossible. Firstly, as we have seen, it was impossible even for the largest empire in the world. Britain's gold-sterling standard was never stable or neutral. Secondly, it was powered by the fuel of colonial surpluses, and the US had none. It could only supply the world with liquidity by running deficits, and this method was subject to the famous Triffin Dilemma (Triffin 1961): the larger the deficits, the more downward pressure they put on the dollar, straining its peg to gold. While the troubles this created manifested themselves in the form of outflows of gold until 1971 when the dollar was tied to gold, the problem did not go away thereafter. It only manifested itself in downward pressure on the dollar.

This is why, though it looks as though the dollar has remained the world's currency since the end of the Second World War, and despite the closing of the gold window, in reality, the dollar has never worked as a stable world currency and since 1971 has been subjecting the world to unnecessary financialization and financial instability.

During the 1950s, the US export surpluses created a shortage of world liquidity which the relatively puny and largely self-serving Marshall Plan (Kolko and Kolko 1972, 429-35) could not remedy. By the 1960s, when the European economies had recovered, with US current account deficits already widened by the Vietnam War, as soon as European currencies became convertible, the dollar shortage turned into a dollar glut overnight. Gold flowed out, and the 1960s witnessed one stratagem after another to keep the dollar's gold backing – the gold pool, the end to domestic gold convertibility, persuading Europeans not to demand gold, etc. Once they were exhausted, there was no alternative to closing the gold window. The rationale for closing it was reinforced by the US's own declining competitiveness. The dominant narrative of what happened thereafter, essentially the one created by the hegemony stability theories that now appeared (on the timing of these theories, see Desai 2013, Chapter 5), looks with a certain grudging admiration at the US's nerve in closing the gold window. Many had feared that it would lead to an end of the dollar's world role. No such end came, and, according to the dominant interpretation, the dollar not only survived but even thrives, while relieving the US of the burden of backing it with gold. Some even speak of a 'Bretton Woods II'. Most hegemony stability theories, such as

Charles Kindleberger's, confine themselves to insisting, as they had done since the late 1960s (Despres, Kindleberger and Salant, 1969), that the acceptability of the dollar was not affected by US deficits because the US was not an 'ordinary country'. Instead, it was the world's banker, essentially empowered to create its money. According to such views, private investors understood this and were confident of the dollar; only central bankers were the thorn in the dollar's side. Of course, this was little better than a narrative fig-leaf, what Michael Hudson called a 'Say's Law for international finance' (Hudson 1972, 325; for further discussion, see Desai 2013, 113-119). After all, the US's excessive outstanding dollars were no investment, and no world central bank authorised or regulated it.

Moreover, no amount of intellectual heft could affect the reality that the US was a single nation state whose economy was suffering from serious competitiveness problems. The downward pressure on the dollar that the Triffin Dilemma would lead us to expect never went away. Immediately upon the closing of the gold window, the Federal Reserve had to organise market intervention to prop up its value when the private sector failed to express its confidence adequately. Since 1971, the broad trend in the dollar's value has been downward. And it would have gone downward faster were it not for financialization. However, though the decades since then have witnessed varieties of hegemony stability theories naturalising the dollar's world role ruling the scholarly roost, doubts about it have never been far from the surface and have been regularly expressed with every crisis that its necessary accompaniment, financialization, has caused.

Financialization and the Dollar Non-System

If the dollar has managed to sustain a major role in the world's monetary affairs since 1971, it has been because of an enormous expansion of financial activities (The narrative in this section relies on Desai 2013a, 239-41). It has created an artificial demand for dollars, one that has little to do with the demands of production and trade and is even constricting them, which counteracts the downward pressure on the US dollar predicted by the Triffin Dilemma. This financialization emerged in the 1970s with the oil price rises. They increased demand for dollars directly since oil remained denominated in dollars. Moreover, the US also ensured the failure of European and Japanese proposals for recycling

4. Григорьев, М.Н. Логистические альянсы как современный инновационный инструмент укрепления мира на Корейском полуострове (Дальнем Востоке) / М.Н. Григорьев, И.А. Максимцев, С.А. Уваров // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2018. – № 6 (114). – С. 19-25.

5. Конкурентоспособность и прорывное позиционирование в посткризисный период / Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. – СПб., 2011.

6. Плотников, В.А. Государственная бюджетная политика в условиях кризиса: региональный аспект / В.А. Плотников, Г.В. Федотова // Управленческое консультирование. – 2015. – № 4 (76). – С. 59-69.

7. Бодрунов, С.Д. Ноономика / С.Д. Бодрунов. – М.; СПб.; Лондон, 2018.

8. Структурная трансформация экономики: соотношение плановых и рыночных механизмов реализации / СПб гос. ун-т экономики и финансов. – СПб., 2001.

S.D. Bodrunov. The state and technological revolution: political economy perspective. The author considers basic trends and prospects of the current and future stages in the socioeconomic development which accompany the transition from the industrial society to the New Industrial Society of the Second Generation and then towards the noonomy. The article shows that accelerated technological development serves as a key factor in such transformations. The method of classical political economy is used to explore the directions and potential outcomes of state transformations in light of changing social objectives and conditions for public development.

Keywords: technological revolution, industrial revolution, knowledge intensive production, noonomy, state regulation, New Industrial Society of the Second Generation.

1 – активизация поддержки государством образования и его постепенная социализация, увеличение доступности, переориентация на решение гуманитарных задач гармоничного развития человека, усиление воспитательного и общекультурного компонентов;

2 – государственная координация научно-технического развития, основанная на кооперировании деятельности не только государственных предприятий, но и частного сектора, университетов, институтов гражданского общества;

3 – переход от количественной парадигмы управления развитием, воплощением которой является стремление к росту ВВП, к качественной парадигме, в основе которой – гармоничное и сбалансированное культурное развитие человека;

4 – технологические преобразования в самой системе государственного управления, формирование «электронного государства», «электронной демократии», «электронного правительства» и т. д.

Технологические достижения будут и далее трансформировать функции государства и формы их реализации. Со снижением значимости экономических отношений, их заменой ноотношениями регулятивная функция государства, в первую очередь в «хозяйственной» сфере, начнет снижаться, а его роль в качестве координатора интересов субъектов общества будет становиться все более значимой.

Литература

1. Бодрунов, С.Д. О некоторых вопросах эволюции экономико-социального устройства индустриального общества новой генерации / С.Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2016. – № 3 (49). – С. 5-18.

2. Бодрунов, С.Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка / С.Д. Бодрунов. – СПб., 2016.

3. Амин, С. Россия: долгий путь от капитализма к социализму / С. Амин. – СПб.: ИНИР; М.: Культурная революция, 2017. – 148 с.

OPEC oil surpluses so that these surpluses were deposited in Western, chiefly Anglo-American banks in dollars, swelling the small and nascent Eurodollar market with petrodollars. These had to be lent out and, given that the Western world had already entered the Long Downturn and therefore presented few investment opportunities, they flowed to the Third World in a lending spree that laid the foundations of the Third World debt crisis in the 1980s. That crisis erupted when, despite this prop, the dollar once again began to sink and Paul Volcker exercised the nuclear option of permitting interest rates to rise to whatever level was necessary to stop dollar devaluation, even at the cost of a severe recession.

The so-called Volcker Shock led to that massive and, given the realities of the US economy and its competitiveness problems, dangerous overvaluation of the US dollar that required the Plaza Accord to bring it down, but not before causing the first of the modern bubbles in the US stock market, which burst in 1987. The 1980s were turbulent. The dollar swung wildly. The US's twin deficits ballooned as Reagan cut taxes and increased (chiefly defence) expenditures. The Japanese invested their export surpluses to finance them. The Third World debt crisis raged, siphoning money from the Third World and pouring it into Western and Anglo-American financial markets enabling them to get up to even more mischief. The US's own savings and loans crisis aided concentration in the US financial sector by wiping out scores of small and local financial institutions that had hitherto invested productively, but were now trapped between strict regulation and the inflation of the 1970s. And major US financial institutions exposed to the Third World debt crisis, such as Continental Illinois, nearly collapsed before being bailed out by the US government (incidentally giving rise to the concept of 'too big to fail', as Ugarteche explains in his forthcoming publication). Amid all this, financialization continued, but with one critical difference: direct lending was replaced, sector-wide, with securitised lending.

The securitization of lending was fashioned by the US financial sector itself and it would be one of the three pillars of US-centred financialization. The other two would be provided by Alan Greenspan, who replaced Paul Volcker as Chairman of the Federal Reserve a few weeks before the bursting of the stock market bubble in 1987 and retired in 2006, when trouble first began to appear in the US housing and credit markets. Volcker had proved too old-fashioned for a financial sector already straining against the Depression-era regulations that still girded it.

Greenspan would initiate the process of deregulation that culminated in the 1999 repeal of the Glass-Steagall Act. This deregulation was the second pillar. Thirdly, within weeks of taking office, Greenspan built the final pillar of modern-day financialization, the 'Greenspan put', i.e. the promise to inject necessary liquidity into financial markets at every crisis to ensure that its commanding heights would always be bailed out even as the savings of retail investors and working people invested in pension and mutual funds were wiped out. Securitised lending, deregulation and the Federal Reserve's guarantee (or 'put') to financial markets would undergird the series of financialization that would now undergird the US dollar system and prop up the dollar (Fleckenstein 2008 offers an entertaining, but also alarming account), counteracting the Triffin Dilemma.

The dollar, which had slumped with the recession of the early 1990s, rose under Clinton as the Federal Reserve kept interest rates high and the government followed a strong dollar policy and led a campaign urging chiefly East Asian 'Big Emerging Markets' to lift capital controls. While the argument was couched in terms of how this would bring the benefits of long term productive investment which their developing economies so badly needed, lifting capital controls could and did only permit funds from these countries to enter the US dollar centred financial system and enabled US and other western financial institutions to seek profits through short term investments in their financial and asset markets. Such capital movements led to the East Asian Financial crisis (two of the best accounts are Bagchi 1998 and Wade and Veneroso 1998, while Rohatyn 1994 presciently predicted it), and, thereafter, as dollars returned home, they inflated the stock market and 'dot-com' bubbles that burst in 2000.

They, as is well-known, were replaced by the housing and credit bubbles that burst in 2008. Figure 5 plots the rise and decline of cross-border capital flows, one indicator of the extent of financialization. There are a number of things to note here. The first is the sheer scale of the rise of the flows. They reached an initial peak in the late 1990s marking the East Asian Crisis and a second peak close to 2000 marking the dot-com and stock market bubbles that burst that year. The second thing to note is the order of magnitude that separates these earlier peaks from the greatest one of them all, the credit and housing bubble that burst in 2008.

современным, а тем более – завтрашним реалиям. Меняется система отношений государства с обществом. Сегодня как никогда востребовано подчинение его действий интересам общества в целом, а не его отдельных групп (например, социальных классов, как это описывал К. Маркс). Между тем, в современных глубоко дифференцированных обществах, даже имеющих формально демократическое устройство, господствует «манипулятивная демократия». И сегодня мы наблюдаем кризис такой модели.

Традиционная дилемма учебников политологии и экономической теории – демократия или авторитаризм, намеренно упрощающая реальность, по-видимому, навсегда останется лишь в учебниках. Сегодня необходим отказ от догмы, что только рынок есть экономическая основа демократии. С уходом в прошлое экономики как таковой, с заменой ее ноономикой, никакого рынка не будет «по определению». Поэтому необходим поиск государственной организации, отражающей интересы общества. Применительно к этапу господства знаниеемкого, «умного» производства нужна новая, меритократическая, модель государства.

В сегодняшней переходный период государство должно оставаться актором, действующим пока еще в рыночной экономике, не подменяя бизнес, создавая систему институтов, тормозящих финансовализацию и симулятизацию потребностей, стимулирующих развитие высоких технологий, их имплементацию в материальное производство и реализацию на этой основе социальных, гуманитарных и экологических приоритетов.

Но на что, на какие инструменты государственного регулирования нужно опираться сегодня, когда до эры расцвета ноономики еще далеко? По нашему мнению, которое разделяют многие эксперты [8], ни чисто рыночные, ни чисто административные инструменты государственного регулирования не актуальны. Необходимо активное общественное регулирование рыночной экономики, базирующееся на стратегическом и индикативном планировании, государственно-частном партнерстве и т. п. Таким образом, движение к ноономике через НИО.2 предполагает существенные изменения роли и функций государства.

Мы считаем, что основными векторами этих изменений являются:

системы всех общественных отношений, а не только связанных с хозяйственной деятельностью человека. В конечном итоге следует ожидать изменения самих целей общественного развития. Таким образом, происходящая сегодня революция в технологиях имеет далеко идущие цивилизационные последствия.

Предчувствуя эти изменения, многие современные аналитики указывают на турбулентность развития [3-6 и др.], неопределенность и риски современного этапа эволюции человечества. В подтверждение приводятся «торговые войны» США с Китаем, санкционное противостояние России с «коллективным Западом», разрушение традиционных европейских ценностей и др. Но все это, по нашему мнению, лишь наблюдаемые, видимые проявления тектонических сдвигов в экономике и обществе в целом, порожденных описанными нами технологическими трансформациями.

Логичным завершением этих изменений видится продвижение человечества в направлении формирования нового общественного устройства, которое будет базироваться на новом, неэкономическом способе удовлетворения потребностей человека – мы его назвали «ноономикой» [7]. Ноономика и практикуемый в ее рамках тип производства, как мы полагаем, станет базисом формирования нового типа общественных отношений – ноообщества.

Рассматриваемые нами тенденции и процессы носят глубокий, фундаментальный, объективный характер. Но в человеческом (субъектном!) обществе нельзя добиться полной объективности. Человек, его разум, восприятие, способы мышления, несмотря на все попытки объективизации, субъективны по своей природе. Выразителем, «объективатором» этого «коллективного субъективного» являются общественные институты, сформированные человечеством в процессе цивилизационного развития; одним из главных среди них на современном этапе является государство. При этом государство как институт в условиях перехода к НИО.2 также претерпевает радикальную трансформацию, поэтому сегодня совершенно необходимо переосмысление роли государства:

«Умному производству нужно умное государство». Модель либерального государства – «ночного сторожа» – неадекватна

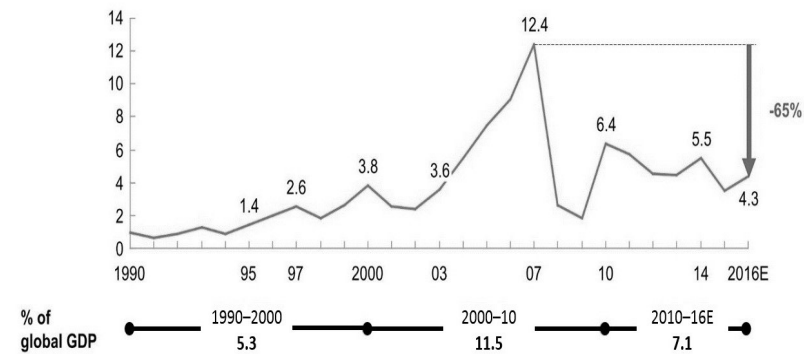
Rise and Decline of Cross Border Capital Flows

Source: McKinsey Global Institute, 'A Decade After the Global Financial Crisis: What has (and hasn't) Changed', Briefing Note, September 2018

Exhibit E1

Global cross-border capital flows have declined 65 percent since the 2007 peak

Global cross-border capital flows¹
\$ trillion

¹ Gross capital inflows, including foreign direct investment (FDI), debt securities, equity, and lending and other investment.

SOURCE: International Monetary Fund (IMF) Balance of Payments; McKinsey Global Institute analysis

¹ World Trade Organization, *Report on G20 trade measures*, June 21, 2016.

² The analysis in this report is based on many sources of data, but several primary ones stand out: gross cross-border capital inflows and outflows and net capital flows from national balance of payments; the stock of foreign investment assets and liabilities of countries, also from national balance of payments; and the stock of banks' foreign claims from the Bank for International Settlements (BIS). Balance of payments data come from the International Monetary Fund (IMF). For more detail on data definitions and sources, see Box 1 in Chapter 1.

Figure 5.

Three major developments made it so large. The first was the repeal of the Glass Steagall Act in 1999. The second was the low interest rate policy that the Federal Reserve followed from the bursting of the stock market and dot-com bubbles in 2000 to the middle of the 2000s, when downward pressure on the dollar became too acute to continue. The resulting rises in interest rates eventually led to the bursting of the housing

and credit bubbles, both of which relied on low interest rates. The third was the launching of the Euro and the deregulation of the Eurozone's financial sector that went with it. It resulted in Eurozone financial institutions becoming heavily invested in what proved to be the 'toxic securities' generated by the housing and credit bubbles (Brenner 2009 is among the best brief accounts of the housing and credit bubbles, and Nesvetailova and Palan 2008 document the Eurozone's implication in them, which is otherwise rarely commented on).

European Investment in US «Toxic Securities»

Source: Borio, Claudio and Piti Disyatat. 2011. "Global Imbalances and the Financial Crisis: Link or no link?" Bank for International Settlements Working Paper No. 346. May.

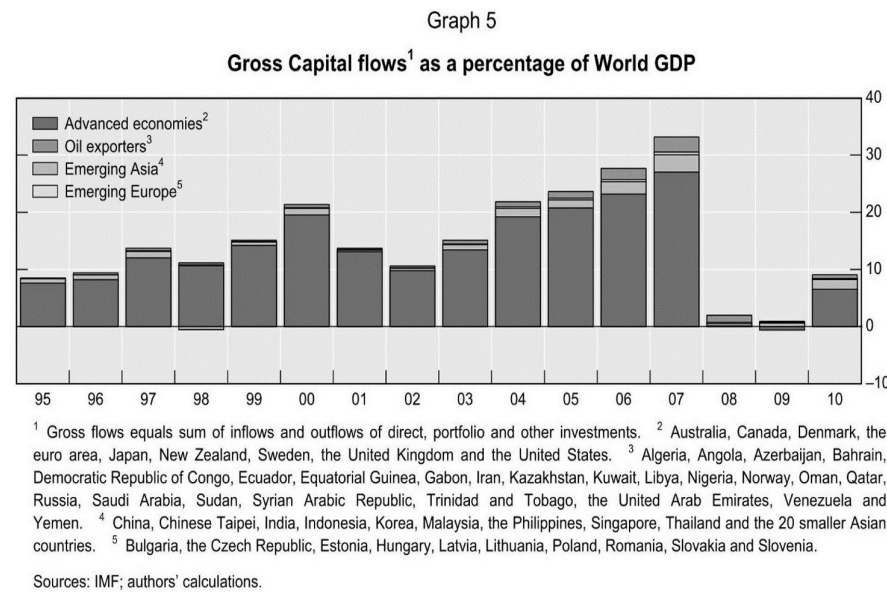

Figure 6.

The dominant understanding of the 2008 crash, propagated as much by the none-too-clever US president at the time as by the erudite Governor of the Federal Reserve and accepted by most observers, focused the role of the allegedly too-great 'Asian' savings in providing the excess

вызовам технологической революции – ориентироваться на реальный сектор экономики, на материальное производство.

Главное отличие материального производства будущего от промышленного развития последних столетий – рост знаниеемкости производства и экономики в целом. Количественный и качественный анализ указывают на четко выраженную тенденцию: роль знания как фактора производства растет, а роль материальных ресурсов снижается. Ускоряются темпы изменений, они приобретают лавинообразный, «экспоненциальный» характер.

Знание, воспринимаемое многими исследователями как нематериальный фактор, становится основой и источником прогресса материального производства, его движущей силой. От динамики информационных и знаниевых процессов, от прогресса в их развитии во многом уже сегодня зависит конкурентоспособность не только конкретного бизнеса, но и целых отраслей, регионов и даже стран.

Мы не склонны рассматривать прогресс материального производства как некую «вещь в себе». Рост знаниеемкости не отменяет всех других экономических законов, он придает им новые свойства, трансформирует формы их проявления. В частности, современная технологическая революция является логичным результатом общественной эволюции, порождением стремления человека ко все более полному удовлетворению своих непрерывно возрастающих потребностей. И по мере того, как потребности в пище, одежде и т. д. надежно и устойчиво удовлетворяются, происходит познание человеком новых потребностей, форм их проявления и механизмов удовлетворения. Все это сопряжено с новыми знаниями.

То есть, технологические изменения формируют не только новый тип материального производства (знаниеемкого, вплоть до полного вытеснения человека из сферы производства, замещения человеческого труда машинными, роботизированными операциями), но и новый тип потребления. Как следствие появляется новый тип общества – новое индустриальное общество второго поколения (НИО.2) [2].

Если исторический процесс будет развиваться в описанной нами логике, возникнут предпосылки формирования новой

С.Д. Бодрунов,
директор Института нового индустриального развития
им. С.Ю. Витте, президент Вольного экономического
общества России, президент Международного Союза
экономистов, д-р экон. наук, профессор

Государство и технологическая революция:
политэкономический взгляд

Рассмотрены базовые тенденции и перспективы современного и будущего социально-экономического развития, описываемые вектором: индустриальное общество – новое индустриальное общество второго поколения – ноономика. Показано, что ключевым фактором подобных трансформаций является ускоренное технологическое развитие. Для раскрытия направлений и возможных результатов трансформации государства с учетом меняющихся социальных задач и условий общественного развития используется методология классической политической экономии.

Ключевые слова: технологическая революция, промышленная революция, знаниеемкое производство, ноономика, государственное регулирование, новое индустриальное общество второго поколения.

Мы являемся участниками четвертой научно-технологической (или промышленной) революции, которая, по-видимому, кардинально изменит экономику и социум уже в ближайшие десятилетия. Для обеспечения конкурентоспособности в новом стремительно меняющемся мире необходимо сосредоточить ресурсы и внимание на технологическом, промышленном развитии.

Повторим один из наших ключевых тезисов: сегодня, как никогда, необходимо возрождение на основе парадигмы, утверждающей примат материального производства [1]. Именно материальное производство играет ведущую роль в современных структурных преобразованиях, реально изменяет облик экономики. Нынешние и будущие экономические отношения и институты, «правила игры» и экономическая политика должны соответствовать

of liquidity that inflated the twin bubbles. However, Claudio Borio and Piti Disyatat pointed to the fallacy of such arguments. They focused only on net flows whose magnitude was too small to carry the weight of this 'Asian Savings Glut' explanation (see also Chandrashekhar and Ghosh 2005). The real story lay in the gross capital flows. When these were examined, it was clear that Asia, including China, had only a bit part in the larger drama whose principal *dramatis personae* were investors and financial institutions in other advanced economies, chiefly Europe. This also became clear from the analysis of the pattern of suffering: while it was concentrated in the US, the UK and the Eurozone, the rest of the world, though it suffered from a sharp but also short trade shock, emerged relatively unscathed. That is why the crash of 2008 is better termed a North Atlantic Financial Crisis rather than a Global Financial Crisis.

A second important matter is that, while the earlier smaller peaks did coincide with a rising dollar, despite its vastly greater size, the increase in cross-border flows in the 2000s did not prevent steady and steep fall in the value of the dollar, no matter how much US policymakers and the Greenspan and Bernanke Feds talked up the US economy and its financial sector. That means that, without this enormous increase in financial activity, the dollar would have fallen even more steeply.

Conclusion: 2008 and the Future of the US Dollar Non-System

The third important matter is that, after crashing in 2008, though international capital flows recovered, their levels remain considerably short of the 2007 peak, by some 65% in 2016. This and accompanying developments point to an acceleration in the world's shift away from the dollar. A number of points may be noted.

In themselves, lower levels of international capital flows mean that the rest of the world is pouring less money into the US dollar-dominated financial system, and this limits the extent of dollar-denominated financializations on which the dollar's international role and its value has depended. Financial resources necessary to feed the financializations necessary to prop up the dollar's value are coming, and must now come, from US sources. The Federal Reserve, with its return to lax monetary posture (low interest rates and Quantitative Easing until October 2014 which has inflated its balance sheet to historically unprecedented levels), is certainly the major source. Though justified in terms of levels of

inflation and employment, the real function of Federal Reserve monetary policy has been to provide US financial institutions with the liquidity necessary to continue the speculative activities that have been the chief source of their income as well as the chief prop of the US dollar. However, with the substantial withdrawal of European financial institutions from this game, it is one that is being played chiefly by US financial institutions and the inevitable bust, when it comes, will affect them chiefly.

Secondly, the Federal Reserve is caught on the horns of another dilemma: on the one hand, injections of liquidity into the system are necessary to keep dollar-denominated financializations going, while on the other, lax monetary policy is putting direct downward pressure on the US dollar. This is best witnessed in the effects of US monetary policy on the currencies of certain countries that insist on keeping their capital accounts open. In these countries, such as Russia or Turkey, when US monetary policy is lax, dollar-denominated funds flow in, inflating the rouble or the lira. At the slightest hint of tightening at the Federal Reserve, however, it flows out, leading to a crash in their values. These countries keep their capital accounts open in the interests of their wealthier classes, permitting them to take their money out of the country and to participate in the entirely unproductive and speculative activities of the US dollar denominated financial system. Open capital accounts certainly do nothing for the health of the national economy or its productive growth. Open capital accounts also require, as a measure of prudence, the accumulation of reserves, usually in US dollars, which can be used in the event of unexpected, severe and unjustified downward pressure on their currencies. These reserves represent funds that could be productively invested, but are kept in forced idleness (Rodrik 2006). Those who benefit from these arrangements are the US financial sector, the US ultra-rich who own it and the super-rich of these otherwise ill-served countries.

Thirdly, just as the entirely speculative and financialised nature of the US-dollar centred financial system is becoming ever clearer, the US policy-makers have begun weaponising it. The increasing use of financial sanctions effectively and illegally blockade countries as diverse as Venezuela, Iran and Russia from using the US dollar-denominated payments system or accessing finance through it. The US also sequesters the assets of these countries and their nationals and causes them to lose

7. Стиглиц, Д. Неверно оценивая нашу жизнь: Почему ВВП не имеет смысла: докл. Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса / Д. Стиглиц, А. Сен, Ж.-П. Фитусси. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2016.

8. UNDP. Human Development Report. – New York: United Nations, 2018.

9. World Bank. World Development Indicators. – Washington DC, 2018.

10. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации. Цели устойчивого развития ООН и Россия / под ред. С.Н. Бобылева, Л.М. Григорьева. – М.: Аналитический центр при Правительстве РФ, 2016.

11. Helliwell, J.F. World Happiness Report / J.F. Helliwell, R. Layard, J.D. Sachs. – New York: United Nations, Columbia University, 2019.

12. Росстат. Разд. «Цели устойчивого развития» (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/goalOfDevelopment/)

S.N. Bobylev. New economic models and sustainable development. From the standpoint of sustainable development in the world, new models of the economy are widely spread both in theory and in practice: the green economy, the economy based on green growth, low-carbon economy, bioeconomy, blue economy, etc. For the implementation of Russia's long-term development goals, a transition to sustainable development is needed a balanced combination of economic, social and environmental factors. This requires a change in the logic of development and a new dimension of socioeconomic progress. It is advisable to adopt own Sustainable Development Strategy, in which an important place should be taken by a new economic model; develop a system of Sustainable Development Goals with appropriate indicators for the long term.

Keywords: new economic models, sustainable development, sustainable development goals, green economy, circular economy, low-carbon economy.

развитию, сбалансированно сочетающему экономические, социальные и экологические факторы; замена экспортно-сырьевой модели на модель с четко обозначенными экологическими приоритетами (в частности, предусматривающую радикальное улучшение использования и охрану природного капитала); развитие человеческого капитала. Стране требуется «не больше нефти, газа, металлов, леса и пр.», а рост благосостояния населения с учетом экономических, социальных и экологических компонент качества жизни. Это означает изменение логики развития и измерения социально-экономического прогресса. Не надо стремиться максимизировать традиционные количественные показатели, будь то стоимостные индикаторы (ВВП и пр.) или физические объемы производства (энергоресурсы и т. д.). Новая экономика должна делать акцент на качественном развитии. В связи с этим необходимо принять собственную стратегию устойчивого развития, в которой важное место должна занять новая модель экономики; разработать систему целей устойчивого развития с соответствующими индикаторами на длительную перспективу с учетом международного опыта и соглашений, в которых участвует Россия.

Литература

1. Бобылев, С.Н. Устойчивое развитие: парадигма для будущего / С.Н. Бобылев // МЭиМО. – 2017. – Т. 61, № 3.
2. Будущее, которого мы хотим: итоговый документ Конференции ООН. – Рио-де-Жанейро, 2012.
3. Transforming Our World: the 2030 Agenda for Sustainable Development. – New York: United Nations, 2015.
4. Парижское соглашение согласно Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата. – Париж: ООН, декабрь 2015.
5. Навстречу «зеленой» экономике: пути к устойчивому развитию и искоренению бедности: обобщающий доклад для представителей властных структур. – ЮНЕП, 2011.
6. Перечень поручений Президента РФ по итогам заседания Государственного совета по вопросу «Об экологическом развитии Российской Федерации в интересах будущих поколений». 27 декабря 2016 г. (24 января 2017 г.) (<http://kremlin.ru/d/53775>)

credit and standing in the international financial and trading system. Such US actions has made the search for alternative payments and financial mechanisms more urgent.

Contrary to the many who believe that the US dollar can only be replaced by another currency, our argument has stressed that this role was difficult even for sterling, with the surpluses of the British empire flowing through it, to play. And it was impossible for the dollar. It could only give rise to a non-system. It can only be replaced either by multilateral arrangements of the sort Keynes proposed 75 years ago or, given that the sort of wide agreement it would require is unlikely to be forthcoming if only because the US elite and policymakers, with the most to lose, will certainly be the major nay-sayers, through a more dispersed set of bi-, miniand plurilateral agreements between two or more countries. It is important to recall that it was not the US's enemies but its closest allies, the countries of the European Union, which began the move away from the dollar nearly 5 decades ago. They began the process of European Monetary Integration soon after the closing of the gold window in 1971 and today's Eurozone is, for all its current troubles which point to critical design faults, the first, largest and most enduring of attempts to opt out of the dollar system.

The key thing is that such a scenario has been emerging for some time and today, it appears, is increasingly centred around China, particularly its Asian Infrastructure Investment Bank and its Belt and Road Initiative. This alternative could not be more different from the US-centred one. Figure 7 itemises their key differences.

On the one hand, the US dollar-centred system, reliant as it is on financialization, is focused on short term, speculative and volatile investments which have been responsible for countless financial bubbles and crises. They also require dangerous capital account liberalization and inefficient reserve accumulation. Finally, the US dollar-centred system is even at the root of wars waged to prevent countries from exiting it, as, most famously, in the cases of Iraq or Libya. By contrast, the emerging monetary and financial system centred on China provides long-term, stable and what is increasingly called 'patient' capital for productive investment. It permits capital account management and control which lead to financial stability and an efficient allocation of capital for production and employment growth. Rather than wars, it promotes international cooperation.

International Financial Systems: Old vs New

US	China
<ul style="list-style-type: none"> • Short term capital • Speculative investment • Financial crises • Volatile capital • Capital account liberalization • Inefficient Reserve accumulation • Wars	<ul style="list-style-type: none"> • Long term capital • Productive investment • Financial stability • Stable capital • Capital account management • Efficient allocation of capital • Cooperation

Figure 7.

It should now be clear how, in the geopolitical economy of advancing multipolarity, itself the result of uneven and combined development which has served to beat back the imperial power of the first industrialisers and spread productive power ever more widely, even the sterling-centred 'gold', or rather colonial, standard was fraught with instability, both domestic and international. It should also be clear why the dollar could only preside over a non-system. It never worked even when the dollar was pegged to gold and, in order to keep it going after the closing of the gold window in 1971, repeated dollar-denominated financializations have been necessary. It is no wonder that the five decades since have been regularly punctuated with destructive financial crises. Initially inflicted on the rest of the world, beginning with the many Third World countries in the 1980s, these crises have slowly been inching towards the homeland of the dollar-system, the Anglo-American financial system. It has already taken many hits and the most recent one in 2008 already led to a massive decline in international financial flows, reducing the capacity of the system to draw in funds from outside. The next crisis, inevitable as the previous ones were and imminent, according to many, will only further accelerate the process by making the costs of participating in the dollar system all the more clear.

оценить прогресс (или регресс) в их достижении. Тем самым произошло конструктивное «оцифровывание» гуманистических идей в области перехода к устойчивому развитию и реализации экологических приоритетов.

Система ЦУР стала своеобразным «преемником» Целей развития тысячелетия ООН (Millennium Development Goals) (ЦРТ), расширяя и углубляя их. Для построения системы ЦУР сохранен иерархический структурный подход «цели – задачи – индикаторы», использованный в ЦРТ. ЦУР реализуют принципы устойчивости, соответствуют международному праву, учитывают национальные особенности и возможности, включают приоритеты и цели, которые выработало мировое сообщество, в частности ЦРТ. Цели устойчивости должны способствовать переходу к новым моделям экономики. Всего предложено семнадцать ЦУР ООН, для их реализации разработано 169 задач и свыше 230 индикаторов. По сравнению с целями задачи должны быть более конкретными и функциональными. В настоящее время Росстат проводит работу по адаптации ЦУР для России, и в конце 2019 г. список индикаторов устойчивого развития должен быть опубликован [12]. В середине 2020 г. Россия должна представить добровольный доклад о реализации ЦУР в стране.

Система ЦУР достаточно сбалансирована, в ней достигнут определенный баланс между экономическими, социальными и экологическими целями. Многие цели сочетают несколько компонентов устойчивости. Каждая страна будет иметь свою комбинацию факторов устойчивости в рамках ЦУР. Автор предлагает дифференциацию и связь отдельных целей с решением экономических, социальных и экологических проблем: с экономическими факторами связана реализация 9 целей, с социальными – 10, с экологическими – 8.

Заключение

С позиций устойчивого развития в мире большое распространение в теории и на практике получили новые модели экономики: «зеленая», низкоуглеродная, синяя, экономика на основе «зеленого» роста, биоэкономика и др.

Для реализации долгосрочных задач развития России приоритетными целями должны стать: переход к устойчивому

В итоге ежегодный экономический ущерб доходит до 6 процентов ВВП, а с учетом последствий для здоровья людей – и до 15 процентов».¹ Если учесть, что современные темпы экономического развития страны и ее регионов составляют примерно 1-3% ВВП/ВРП, то очевидна необходимость радикального изменения самой социо-эколого-экономической модели развития и принятия новых приоритетов. Нужны новые смыслы и новые экономические модели развития. В долгосрочных программах следует преодолеть «бухгалтерскую» концепцию будущего, базирующуюся на макроэкономических показателях роста ВВП, низкой инфляции, профиците бюджета и т. д. Центр тяжести в стратегиях и концепциях развития необходимо перенести с собственно производства на рост благосостояния населения, отражаемый в единстве и балансе социо-эколого-экономических компонент.

Конструктивными прообразами нового измерения устойчивости могут быть интегральные индикаторы, широко используемые в мире: разработанный ООН индекс человеческого развития (human development index) и разработанный Всемирным Банком индекс скорректированных чистых накоплений (adjusted net savings) [8, 9]. Сделана попытка включить в эти индикаторы важные социально-экологические показатели устойчивости: здоровье, образование, истощение природного капитала, загрязнение окружающей среды и т. д. Это позволило преодолеть экономическую односторонность индикаторов развития. Концептуально достаточно интересны разработки «индекса счастья», в котором существенную роль играет самоощущение индивида, выявляемое на основе социологических опросов [10].

Для более адекватного отражения фактора устойчивости в процессах планирования и принятия решений необходима адаптация целей устойчивого развития ООН (ЦУР), принятых мировым сообществом в качестве целей для человечества на 2016-2030 гг. [11]. Важным достоинством ЦУР стала трансформация важнейших приоритетов человечества (экономика, борьба с бедностью, образование, экология и т. д.) в систему конкретных задач и количественных индикаторов, позволяющих

¹ <http://kremlin.ru/events/president/news/53602>

What will emerge in its place is not another national currency to serve as the world's money, but a more complex set of arrangements: the more they resemble Keynes's original Bretton Woods proposals, the better off the majority of the people in the world will be.

References

- Anderson, Perry. 1987. "Figures of Descent." *New Left Review* 1/161 (January-February).
- Bagchi, Amiya Kumar. 1998. "Growth Miracle and Its Unravelling in East and South-East Asia: Unregulated Competitiveness and Denouement of Manipulation by International Financial Community." *Economic and Political Weekly* 33 (18) (May 2): 1025–1042.
- Block, F. 1977. *The Origins of International Economic Disorder: A Study of United States International Monetary Policy from World War II to the Present*, Berkeley: University of California Press.
- Brenner, Robert. 1998. "The Economics of Global Turbulence." *New Left Review* 1/229, May/June: 1–265.
- _____. 2009. "What is Good for Goldman Sach is Good for America: The Origins of the Current Crisis". <http://www.sscnet.ucla.edu/issr/cstch/papers/BrennerCrisisTodayOctober2009.pdf>
- Chandrashekar, C. P. and Jayati Ghosh, 2005. "The Myth of the Global Savings Glut" http://www.networkideas.org/focus/Sep2005/fo30_Bernanke.htm
- De Cecco, Marcello. 1984. *The International Gold Standard: Money and Empire*. 2nd ed. London: Pinter.
- Desai, Radhika. 2009. "Keynes Redux: From World Money to International Money at Last?" Wayne Anthony and Julie Guard eds. *Bailouts and Bankruptcies*. Halifax: Fernwood Books.
- _____. 2010a. 'The Absent Geopolitics of Pure Capitalism', *World Review of Political Economy*, Vol. 1, No. 3 (Fall 2010), pp. 463–484.
- _____. 2010b. 'Consumption Demand in Marx and in the Current Crisis', *Research in Political Economy*, Volume 26, pp. 101–41.
- _____. 2013a. *Geopolitical Economy: After US Hegemony, Globalization and Empire*. London: Pluto Press.

- _____. 2013b. 'The BRICS are building a challenge to Western Economic Supremacy', *The Guardian*, 2 April.
- _____. 2015a. Geopolitical Economy: The Discipline of Multipolarity, Valdai Club Paper #24, 22 July 2015. <http://valdaiclub.com/publication/79640.html>
- _____. 2015b. Геополитическая экономия предмет для изучения многополярного мира, Валдайская записка №24, 22 July, <http://ru.valdaiclub.com/a/valdai-papers/valdayskaya-zapiska-24/>
- _____. 2015c. 'Keynes's intellectual journey from gold to bancor', presentation at the 2nd World Keynes Conference, 'New Economic Thinking – A better way forward!', in memoriam Fred Lee, September 9-12, Denizli, Turkey.
- _____. 2016a. 'The Value of History and the History of Value' in Turan Subasat (ed) *The Great Meltdown of 2008: Systemic, Conjunctural or Policy-created?*, Cheltenham, UK and Northampton, MA, USA: Edward Elgar Publishing.
- _____. 2017a. 'Capital at 150' *Red Pepper*, September 2017, pp. 48–49.
- _____. 2018a. 'John Maynard Pangloss: Indian Currency and Finance in Imperial Context' in Sheila Dow, Jesper Jespersen & Geoff Tily (eds), *The General Theory and Keynes for the 21st Century*, Cheltenham: Edward Elgar Publishing Ltd.
- _____. 2018b. К 150-летию «Капитала»: историзм в «капитале» и «капитал» в истории // *Вопросы политической экономии*. 2018. № 2. P.112–115.
- _____. 2018c. Ценность истории и история стоимости // *Вопросы политической экономии*, № 4, 2018, p.104–125
- Despres, Emile, Charles P. Kindleberger and Walter S. Salant. 1966. "The Dollar and World Liquidity: A Minority View" *The Economist* (5 February).
- Dumenil, G., and D. Levy. 2004. *Capital Resurgent: Roots of the Neoliberal Revolution*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Epstein, G. (ed.) 2005. *Financialization and the World Economy*. Northampton, MA: Edward Elgar.
- Feis, Herbert. 1964. *Europe, the World's Banker, 1870-1914*. New York: A. M. Kelley.
- Fleckenstein, William A. 2008. *Greenspan's Bubbles: The Age of Ignorance at the FederaReserve*. New York: McGraw-Hill.

Измерение устойчивости

В рамках небольшой статьи сложно охарактеризовать все направления и механизмы перехода к новой устойчивой экономике. Выделим важнейшее из них с точки зрения экономической теории и практических решений – направление на разработку новых индикаторов развития и прогресса. В настоящее время традиционная экономика ориентируется в основном на три цели, связанные с максимизацией финансовых результатов (индивидуум, домохозяйство, бизнес, банки, регион, страна), производства и потребления.

В директивных документах общепринятым подходом является ориентация на рост ВВП. Однако не стоит связывать устойчивость с данным индикатором – ученые и политики все чаще его критикуют, особенно в связи с глобальными кризисными явлениями. Классической работой в этой области является доклад лауреатов Нобелевской премии Дж. Стиглица и А. Сена – они анализируют новые подходы к измерению экономического развития и социального прогресса. Характерно название доклада: «Неверно оценивая нашу жизнь. Почему ВВП не имеет смысла» [7]. Очевидно, что необходимы новые подходы и новые индикаторы устойчивого развития как сбалансированной системы социо-эколого-экономических процессов.

Особенно опасна ориентация на ВВП для стран с большим природным капиталом и социальными проблемами. Мировой опыт показывает, что рост ВВП может скрывать истощение и деградацию природных ресурсов, обострение социальных проблем (бедность, дифференциация доходов, безработица и т. д.). Россия – классический пример жертвы «ловушки ВВП», его огромный рост в начале века создал иллюзию быстрого и успешного развития. А рухнувшие нефтяные цены показали очевидную неустойчивость сложившейся экспортно-сырьевой модели.

Принципиально важным при переходе России на траекторию устойчивого развития является учет такого социального фактора, как здоровье. Здесь можно упомянуть решения заседания Государственного совета по вопросу «Об экологическом развитии Российской Федерации в интересах будущих поколений» (27 декабря 2016 г.). Как подчеркнул на заседании Президент РФ: «По ряду направлений нагрузка на природу достигла критических значений.

В настоящее время в мире растет интерес государств и бизнеса к развитию такой новой модели, как синяя экономика (прибрежные территории, моря и океаны). В данную модель входят как сформировавшиеся сектора и виды деятельности (вылов и переработка рыбы, судоходство, портовое хозяйство, строительство и ремонт судов, морской туризм, шельфовая добыча нефти и газа и др.), так и новые (во многом инновационные и высокотехнологичные) формирующиеся сектора и виды деятельности (аквакультура, морские биотехнологии, объекты ветровой энергии в акваториях, энергия морских и океанических приливов и отливов и т. д.). Для России с ее самой большой в мире береговой линией сбалансированное развитие «водных» секторов и видов деятельности абсолютно необходимо. Достаточно привести примеры Дальневосточного и Арктического регионов с их колоссальным экономическим потенциалом.

В России приведенные выше дефиниции моделей новой экономики не получили достаточного распространения ни в научных исследованиях, ни в разработке различного рода документов государством и частными компаниями. Важным шагом с позиций как концептуальных формулировок, так и практики стали поручения Президента РФ Правительству РФ (2017), в которых впервые сформулированы долгосрочные приоритеты развития для России, связанные с устойчивостью, прежде всего экологической: «...предусмотреть при разработке документов стратегического планирования и комплексного плана действий Правительства Российской Федерации на 2017-2025 гг. в качестве одной из основных целей переход России к модели экологически устойчивого развития, позволяющей обеспечить в долгосрочной перспективе эффективное использование природного капитала страны при одновременном устранении влияния экологических угроз на здоровье человека, обратив особое внимание: на использование системы индикаторов устойчивого развития, определение механизмов достижения целей и поэтапное решение задач экологически устойчивого развития территорий регионов на период до 2030 года и на перспективу до 2050 года...» [6].

К сожалению, Минэкономразвития, Минфин, Минприроды и другие ответственные ведомства не проводят необходимую работу на этих направлениях.

Hudson, Michael. 1972. *Super Imperialism: The Origin and Fundamentals of U.S. World Dominance*. 2nd ed. London: Pluto Press.

_____. 2010. "From Marx to Goldman Sachs: The Fictions of Fictitious Capital and the Financialization of Industry". *Critique* 38/3, July.

Hutton, W. 1995 *The State We're In*. London: Jonathan Cape.

Ingham, Geoffrey K. 1984. *Capitalism Divided??: The City and Industry in British Social Development*. Basingstoke: Macmillan.

Kindleberger, Charles P. 1973. *The World in Depression, 1929-1939*. Berkeley: University of California Press.

Kolko, Joyce and Gabriel Kolko. 1972. *The Limits of Power: The World and United States Foreign Policy, 1945-1954*. New York: Harper & Row, Publishers, Inc.

Krippner, G. 2005 «The Financialization of the American Economy.» *Socio-Economic Review* 3: 173-208.

Krugman, Paul. 2012. *New York Times*, blog, November 16, 2012. http://krugman.blogs.nytimes.com/2013/11/16/secular-stagnation-coalmines-bubbles-and-larry-summers/?_php=true&_type=blogs&_r=0 Accessed 18 March 2014.

Lindert, P.H. 1969. *Key Currencies and Gold 1900-1913*, Princeton Studies in International Finance, no. 24, International Finance Section, Department of Economics, Princeton University.

Lipietz, A. 1985. *The Enchanted World: Inflation, Credit and the World Crisis*. London: Verso. Nesvetailova, Anastasia and Ronen Palan. 2008. *A Very North Atlantic Credit Crunch:*

Geopolitical implications of the Global Liquidity Crisis. *Journal of International Affairs*: Fall, 62/1, 165–185.

O'Neill, Jim. 2001. "Building Better Global Economic BRICs." *Global Economics Paper No. 66*.

Parrini, Carl P. 1969. *Heir to Empire: United States Economic Diplomacy, 1916-1923*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.

Patnaik, Utsa. 2006. 'The Free Lunch: Transfers from the Tropical Colonies and their Role in Capital Formation in Britain during the Industrial Revolution', in K.S. Jomo, ed., *Globalization under Hegemony: The Changing World Economy*, Delhi: Oxford University Press, 2006, pp. 30–70.

_____. 2017. 'Revisiting the "Drain", or Transfers from India to Britain in the Context of Global Diffusion of Capitalism', in: Shubhra Chakrabarti and Utsa Patnaik (eds), *Agrarian and Other Histories: Essays for Binay Bhushan Chaudhuri*. New Delhi: Tulika.

Patnaik, Prabhat and Utsa Patnaik. 2016. *A Theory of Imperialism*. New York: Columbia University Press.

Rioux, Sebastien. 2015. 'The Collapse of 'The International Imagination': A Critique of the Transhistorical Approach to Uneven and Combined Development' in Radhika Desai (ed) *Theoretical Engagements in Geopolitical Economy, Volume 30-Part A, Research in Political Economy*, Bingley: Emerald, 2015.

Rodrik, Dani. 2006. 'The Social Cost of Foreign Exchange Reserves'. Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research Working Paper 11952. January.

Rohatyn, Felix. 1994. "World Capital: The Needs and the Risks". *New York Review of Books* (July 14).

Rolf, Steve. 2015. 'Locating the State: Uneven and Combined Development, the States System and the Political' in Radhika Desai (ed) *Theoretical Engagements in*

Geopolitical Economy, Volume 30-Part A, Research in Political Economy, Bingley: Emerald, 2015.

Skidelsky, Robert. 2002. *John Maynard Keynes: Fighting for Britain, 1937-1946*. London: Penguin.

Summers, Larry. 2013. Speech at the IMF's Fourteenth Annual Research Conference in Honor of Stanley Fischer. 8 November. <http://larrysummers.com/imf-fourteenth-annual-research-conference-in-honor-of-stanley-fischer/>. Accessed on 18 March 2014.

Triffin, Robert. 1961. *Gold and the Dollar Crisis; the Future of Convertibility*. Rev. ed.

A Yale paperbound Y-39. New Haven: Yale University Press.

Ugarteche, Oscar. Forthcoming. 'Double Movement, Embeddedness and the Transformation of the Financial System' in Radhika Desai and Kari Polanyi Levitt (eds) *Karl Polanyi for the TwentyFirst Century*. Manchester: Manchester University Press.

Van der Pijl, Kees. 2006. "A Lockean Europe." *New Left Review* 31. January-February.

_____. 2014. *The Discipline of Western Supremacy*. London: Pluto.

возобновляемых источников энергии (ВИЭ), поддерживаемых разнообразными экономическими инструментами: налогами, кредитами, субсидиями и т. д. Для российского контекста мировой низкоуглеродный тренд важен четко декларируемыми приоритетами снижения использования традиционных углеводородов основными потребителями энергетических ресурсов – странами Европейского сообщества и Китая. Уже сейчас доля ВИЭ в производстве электроэнергии у Германии, нашего ведущего импортера углеводородов, достигла почти 40 %. В России низкоуглеродные тренды должны проявляться, на наш взгляд, прежде всего в резком снижении показателя энергоёмкости, затрат энергии в расчете на единицу конечного результата. Однако, несмотря на все усилия, этот индикатор остается одним из самых высоких в мире, в 2-3 раза превышая рациональные уровни. То есть на первом этапе перехода к устойчивому развитию экономика страны должна стать низкоэнергоёмкой.

Важность форсированного развития циркулярной экономики (экономики замкнутого цикла) давно осознана во всем мире. Главный лозунг такой экономики: «нет отходов, а есть ресурсы». Традиционная линейная экономика исчерпала себя и с экологических, и с социальных позиций. Принятые за последние два-три года в России решения способствуют созданию отрасли утилизации отходов, однако это лишь первый шаг к циркулярной экономике. Много вопросов вызывают перспективы строительства мусоросжигательных заводов. Здесь необходима тщательная экологическая и социальная экспертиза – при несовершенных технологиях сжигания отходов выбросы вредных веществ, прежде всего диоксинов, могут нанести серьезный ущерб здоровью населения.

Биоэкономика связана с бурным развитием нового технологического уклада, в котором важное место занимают биотехнологии. Огромные рынки имеются в фармацевтике, сельском и лесном хозяйствах и т. д. СССР имел хорошие позиции и заделы в области биотехнологий, которые во многом утрачены. Есть специальная «Комплексная программа развития биотехнологий в Российской Федерации на период до 2020 года» (2012), однако экономический спад и санкции не позволили ее реализовать в предполагаемых масштабах.

В контексте устойчивости в мире большое распространение в теории и на практике получили новые модели экономики, связанные с учетом экологических факторов: «зеленая» (green economy), низкоуглеродная (low-carbon economy), синяя (blue economy), экономика на основе «зеленого» роста (green growth), биоэкономика (bioeconomy) и др. Появляются новые «гибридные» виды, например циркулярная биоэкономика (circular bioeconomy).

Новые модели экономики получили отражение не только в научных трудах, но и в приоритетах практической деятельности многих государств и частного бизнеса. Так, Европейское сообщество приняло программы развития «зеленой», циркулярной и биоэкономики на 2030-2050 гг. Парижское соглашение по климату направлено на переход всех государств к низкоуглеродной экономике. В нефинансовой социальной и экологической отчетности компаний все более важное место отводится отражению целей устойчивого развития.

Особенно четко новое видение экономики прослеживается в концептуальных документах международных организаций, связанных с будущим. ООН в экономическую базу своей концепции на XXI в. положила «зеленую» экономику как основу устойчивого развития [5]. Для России в такой модели экономики важными являются: эффективное использование природных ресурсов; сохранение и увеличение природного капитала; уменьшение загрязнения; предотвращение утраты экосистемных услуг и биоразнообразия; рост доходов и занятости. ОЭСР, объединяющая развитые страны мира, в своих документах широко применяет термин «зеленый рост». Он «перекликается» с «зеленой» экономикой ООН, но более детально прописывает экономические аспекты зеленого роста, включая поддержку инвестиций, инноваций и конкуренции.

Термин «низкоуглеродная экономика» широко используется в мире, особенно в контексте борьбы с глобальным изменением климата и сокращением выбросов парниковых газов. На климатической конференции ООН в Париже (2015) он стал одним из основных для характеристики новой экономики и ее будущих моделей. В развитых странах происходят колоссальные структурно-технологические сдвиги, направленные на сокращение потребления традиционных углеводородов; резко увеличивается удельный вес

_____. 2015. 'The Uneven and Combined Development of International Historical Sociology' in Radhika Desai (ed) *Theoretical Engagements in Geopolitical Economy*, Volume 30-Part A, Research in Political Economy, Bingley: Emerald, 2015.

Wade, Robert and Frank Veneroso. 1998. "The Asian Crisis: The High Debt Model Versus the Wall Street-Treasury-IMF Complex". *New Left Review* 1/228: 2–23.

A. Freeman¹

Planning in the Internet age

This article argues that economic theory lacks an adequate concept of planning, and proposes how such a concept should be developed. It is based on both on an ongoing theoretical enquiry and on real empirical experience. I worked in the Economic Intelligence Unit of the Greater London Authority (GLA) from 2000 to 2008, with responsibility for producing the evidence base for the London Economic Plan, *Planning for Growth*, which the GLA was mandated by law to produce.

I also worked as a freelance programmer and database designer between 1974 and 1996, at a time when the modern concept of data-driven corporate planning was taking shape. He was employed by Sony, by Coca-Cola UK, by the UK health authority, by financial corporations and by Trade Unions representing workers at GM, Ford and Toyota, when modern 'Just-in-Time' production models were emerging. These involved the most detailed conceivable planning systems, only just being made possible by the interaction between corporate databases and automated communication systems.

Planning, I concluded, is a reality of modern capitalist life, not an abstract idea. Yet in economic theory, it is reduced to an all-or-nothing choice between an idealised free-market system and an equally idealised central planning system in which the interaction between production and consumption is reduced to the distribution of physical objects independent of their human effects.

On the one hand, this leads to the idea that political decisions have no connection with planning. Actually, every political decision, even by the most neo-liberal of governments, constitutes a plan. Whether it succeeds or not is another matter. The point is, it is an enunciated action with a measurable goal. To put it another way, it is a set of rules that govern the actions of agents in the economy, and which fulfil defined objectives. That is a plan.

---

¹ Alan Freeman, Geopolitical Economy Research Group, University of Manitoba.

(2015), определяющее приоритеты борьбы с климатической угрозой в мире до 2030-2050 гг. [4]. Термин «устойчивое развитие» (sustainable development) зачастую трактуется по-разному. Многие политики и ученые определяют устойчивость в контексте экономического роста на основе увеличения ВВП. Для мирового сообщества устойчивость – это прежде всего гармоничное и сбалансированное развитие экономических, социальных и экологических процессов. Без учета социальных и экологических факторов невозможно добиться устойчивого развития экономики на длительную перспективу.

Попытки переосмысления и переориентации экономического развития в контексте устойчивости наблюдаются в последние 10-20 лет. Успехов пока мало, а достижения отдельных стран нивелируются глобальной деградацией биосферы и нарастанием социальных проблем. На фоне разрушения экосистем материальное благосостояние сотен миллионов жителей планеты улучшилось. Характерный пример – Китай, являющийся локомотивом мировой экономики и лидером по масштабам роста благосостояния жителей. Однако такие яркие экономические результаты были достигнуты во многом за счет недоучета социальных и экологических факторов. Из-за загрязнения воздуха жители китайских мегаполисов живут на 5-6 лет меньше, чем люди, проживающие в чистых городах; огромных масштабов в стране достигла деградация земель, лесов, водных ресурсов. Высокая социально-экологическая цена экономического роста заставила Китай искать новые модели развития. В стране на длительную перспективу провозглашена стратегия построения «экологической цивилизации», реализация которой в экономике требует значительных структурно-технологических сдвигов, на что выделяются огромные инвестиции.

Новые модели и их приоритеты

Неустойчивость и тупиковость экспортно-сырьевой модели признается политиками и учеными России. Развитие, приводящее к исчерпанию природных ресурсов, не может быть устойчивым в долгосрочной перспективе. Поиски новой модели пока не дают обнадеживающих результатов. В связи с этим целесообразно проанализировать новые тенденции в мировой экономике.

С.Н. Бобылёв,
зав. кафедрой экономики природопользования
МГУ им. М.В. Ломоносова, профессор, д-р экон. наук,
засл. деятель науки РФ

Новые модели экономики и индикаторы устойчивого развития

С позиций устойчивого развития в мире большое распространение как в теории, так и на практике получают новые модели экономики: «зеленая», низкоуглеродная, биоэкономика, экономика на основе «зеленого» роста, синяя и др. Для реализации долгосрочных задач развития России необходим переход к устойчивому развитию, сочетающему экономические, социальные и экологические факторы. Это требует изменения логики развития и нового измерения социально-экономического прогресса. Целесообразно принять собственную стратегию устойчивого развития, в которой важное место должна занять новая модель экономики; разработать систему целей устойчивого развития с соответствующими индикаторами на длительную перспективу.

Ключевые слова: новые модели экономики, устойчивое развитие, цели устойчивого развития, «зеленая» экономика, циркулярная экономика, низкоуглеродная экономика.

Неустойчивость сложившихся в мире тенденций развития, турбулентность мировой экономики, усиливающаяся несбалансированность экономических, социальных и экологических трендов требуют формирования новых моделей экономики в рамках парадигмы устойчивого развития [1]. Данное положение отражено в решениях трех конференций ООН, поддержанных всеми странами, в том числе и Россией: «Будущее, которого мы хотим» (2012) определяет перспективы человечества в XXI в. на основе концепции устойчивого развития [2]; «Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» (2015), в которой обозначены цели устойчивого развития (2016-2030) [3]; Парижское соглашение...

On the other, the debate confuses the two separate issues of *devising* the rules and objectives of the plan with that of the *agency* or implementation of the plan. On the one hand, the rules and objectives may be decided either democratically, with the full participation and approval of the population, or despotically, by government or executive decision. On the other, the agency of the plan may itself be despotic and corruptible if it is done by petty bureaucrats with no public accountability, or it may be automated, as with a growing range of traffic controls, or it may even be enacted by the citizens themselves, which happens when the great majority of people are happy with the rules and want them to work.

So there are many *types* of planning, and the task of planning theory is to help us identify which planning systems are good and which are bad, not to perpetuate the myth that we can live free lives without planning of any kind subject only to the lawless dictatorship of the market.

The Austrian economists, who laid the ideological basis for most of today's neo-liberal theory, created a successful caricature of the planning problem: what is the optimum method to provide the individual consumer with his individual consumption needs? This led to the so-called 'socialist planning debate', a quixotic duel of impossible ideals, from which the real social and political question 'how may we collectively determine our future?' was voided before battle was joined.

This paper proposes that a 'genuine' theory of planning is possible, in which the primary question is the emancipatory question 'how may we determine our own future together?'

Keywords: planning, socialist calculation debate, artificial intelligence.

Introduction

The best way to predict the future is to plan it Buckminster Fuller

This article argues that economists need to start a proper discussion on the theory of planning. I also suggest some elements that the theory might contain, based on my practical experience as a government planner in the Greater London Authority and via my earlier consultancy work as a data analyst in corporate planning.

There are several reasons for such a discussion. First, it is necessary to dispel many widespread myths about planning, mostly generated by neoclassical economists whose purpose is to discredit it.

Second, technology has seen enormous changes since the last century, qualitatively improving processing power, communication speeds and data storage capacity, leading to innovations, such as the web, BI, and AI, all unheard of in the era of Soviet planning. These changes make it possible to conceive of innovations in the 'technology of administration' which transform its nature.

Third, there is growing evidence that the market is failing Russia in key areas, especially investment; actual growth at 1.8% falls well short of potential growth at 4.8%.

Fourth, and controversially, I will argue that planning, conceived of properly, extends democracy and adds to freedom, provided it is organised to place key decisions in the hands of ordinary people.

Finally, planning is again being taken seriously as an instrument of economic policy. Thus, at the plenary of the Russian Academy of Sciences held on the second day of the Moscow Academic Economic Forum, a snap poll was taken on the best way to achieve the goals of the Russian economy, and 38% of the participants voted that planning was the most important – the top vote cast.

If we want planning to work and be taken seriously, we need a proper theory. We must therefore start discussing planning without prejudice.

Planning and its Critics

Planning is a routine target of neoliberal economists, who claim it is inefficient and dictatorial, in contrast with the market which, it is claimed, is efficient and realises true freedom because it coordinates individual desire. Hayek (1944) is the best-known proponent of these views. A second front was von Mises' (1920) claim that it was mathematically impossible to plan, which launched the 'Socialist Calculation Debate' (Levy et al. 2008)

Hayek's 'proof', I will argue, is based on an elementary misunderstanding of what planning really consists of. Properly conceived, planning is practically more efficient; and in principle it can be more democratic and provides greater freedom. Of course, there are 'varieties of planning', just as there are varieties of market system. It is perfectly possible to have a democratic planning system, just as it is possible to have a dictatorial market economy. This is why we need a theory of

GLA (Greater London Authority). (2002). Planning for London's Growth.

Hayek, F.A.D. (2005 [1944]). The Road to Serfdom. Institute of Economic Affairs, London. Levy, D. M. and S. J. Peart. (2008). Socialist calculation debate. The New Palgrave Dictionary of Economics. Second Edition. Eds. S. N. Durlauf and L. E. Blume. Palgrave Macmillan.

Mises, L.V. (1920 [1990]). Economic Calculation in the Socialist Commonwealth, Reprint edition. Ed. L. Von Mises Inst, Auburn, Ala.

But this, then, tells us why some planning systems are good and some are not and brings us back to the starting point. We need a *theory* of planning precisely so we can produce good planning – which means planning for life and planning for freedom.

References

- Bolt, J., R. Inklaar, J. van Zanden and H. de Jong. (2018). 'Rebasing 'Maddison': New Income Comparisons and the Shape of Long-Run Economic Development.' GGDC Research Memorandum 174. Groningen: Groningen Growth and Development Centre.
- Chang, H.-J. (2002). *Kicking Away The Ladder*, 1st ed. London: Anthem Press.
- Colander, D., H. Foellmer, A. Haas, M.I Goldberg, K. Juselius, A. Kirman, et al. (2009). *The Financial Crisis and the Systemic Failure of Academic Economics*. Retrieved March 3, 2009, from http://www.debtdeflation.com/blogs/wp-content/uploads/papers/Dahlem_Report_EconCrisis_021809.pdf.
- Desai, R. (2013). *Geopolitical Economy: After US Hegemony, Globalization and Empire*. London: Pluto Press.
- Freeman, A. (2019a). The sixty-year downward trend of economic growth in the industrialised countries of the world. Geopolitical Economy Research Group Data Project Working Paper #2, January 2019. https://www.academia.edu/38192121/The_sixty-year_downward_trend_of_economic_growth_in_the_industrialised_countries_of_the_world. Accessed 29 June 2019.
- Freeman, A. (2019b). Divergence, Bigger Time: The unexplained persistence, growth, and scale of postwar international inequality. Geopolitical Economy Research Group Data Project Working Paper #2, March 2019. https://www.academia.edu/39074969/Divergence_Bigger_Time_The_unexplained_persistence_growth_and_scale_of_postwar_international_inequality. Accessed 29 June 2019.
- GGDC (Groningen Growth and Development Centre). (2018). Maddison Historical Statistics. <https://www.rug.nl/ggdc/historicaldevelopment/maddison/>

planning, since in order to get the right kind of planning, we need to understand what planning is, how planning works, and how to improve it.

Planning is in fact widespread in capitalist economies. In particular, urban planning is virtually universal, and practically every major city in the capitalist world has a plan. Furthermore, large capitalist enterprises, especially those for which logistic considerations rank high, are very highly planned internally. Companies like Toyota, which took the motor industry by storm in the 1990s with the 'machine that changed the world', did so precisely because they introduced techniques like Just-In-Time production which depend on the most minutely detailed planning at every stage of making a vehicle. It is important to understand that they were able to do this precisely because of a combination of new technologies, most notably automation, database management, and electronic communication.

Since planning is a fact of modern life, I will first look at its critics and then set matters on a more robust basis. It is best to begin by dispelling the most prominent myths about planning, which it is relatively easy to do.

Myth 1: Planning is Inefficient

Chart 1 shows the GDP per person of the Soviet Union and of the 'Global South' which consists of all other countries except the industrialised or 'advanced' economies and China. It uses the Purchasing Power Parity data supplied by the widely-respected Maddison project (GGDC2018).² These data are given as a proportion of the 'Global North'.

The first point to note is that by 1982 Soviet GDP per capita was 80% of the North and four times that of the Global South. That is to say, the average living standard in the Soviet Union had risen, in just over sixty years, from the exhaustion and poverty of Tsarist times to a standard broadly comparable with the First World, despite the devastating effects of World War II. Moreover, this living standard, relative to the First World, rose continuously from 1950 to 1986 while the respective indices

---

² The Groningen Growth and Development Centre (GGDC 2018) augmented Maddison's original dataset with a new 'Multiple Benchmark' measure of Purchasing Power Parity Gross Domestic Product, which Bolt et al. (2018) perceive as the most accurate way to compare the living standards of different countries over time.

of the Third World were falling. So whatever the shortcomings of the Soviet economy, it performed substantially better under planning than its market-economy rivals.

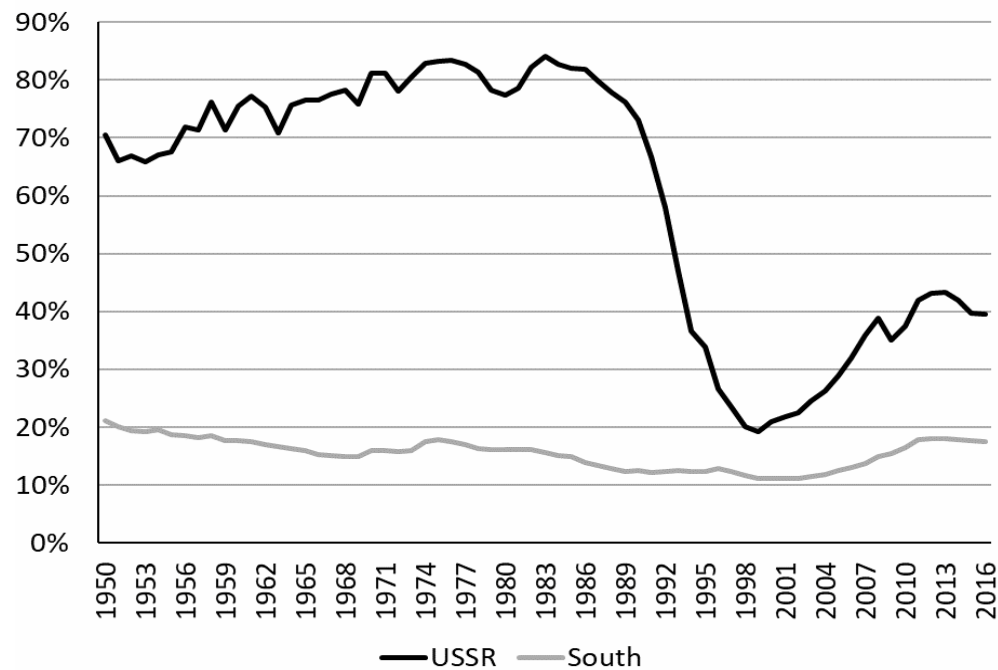

Chart 1: GDP per capita of the USSR and the Third world, relative to the First World

Notes: See Freeman (2019b) for detailed description of sources.

The second point is the effect of introducing the market, which came with the ‘shock therapy’ of 1987. Within ten years, the average income of the former Soviet economies collapsed to one quarter of their 1987 level, at only twice the average level of the Third World and significantly below the Third World’s front runners. Finally, the former Soviet economies recovered somewhat after Putin came to office, but this (relative) recovery has now peaked at half its 1987 level.

The Elements of a Democratic Economy

The final issue we should deal with is to lay to rest the Hayek myth that planning interferes with freedom. Actually, the market itself is in fundamental conflict with a basic principle of freedom because *the results of the market are concealed*. In consequence, it is not true that the market ‘delivers what people want’. People who go shopping for houses *want* to get a place they can live in at a cost they can afford. What they *get* is a housing shortage and unaffordable accommodation because the market drives up prices creating runaway Real Estate bubbles, instead of inducing suppliers to build more houses. What people *want* when they invest in a pension is to be secure in their old age at a decent living standard. What they *get* is a stock market crash which wipes out their life savings.

In no way can we call a system that makes a bonfire of people’s hopes and desires a ‘free’ system. A surely basic requirement of a free system is that people should not be *tricked*: how can we call it freedom, when people take an action they should reasonably expect to lead to a consequence they desire, but instead it leads to a completely different consequence which they do not desire? But this is exactly what the market does.

A second and very basic issue is that both the market and planning have to deal with the fact that society contains *conflicts*. Hayek never speaks of the resolution of conflict and in fact speaks as if conflict does not exist. But the fact of the matter is that the needs of an oligarch or a rich US corporate baron are not only very different from those of a poor person, but conflict with them. The real reason why there are so many poor people is that the rich people will not let them have a decent living standard. On average, there is more than enough to go round, and there is no real justification for austerity at all. The market system provides *freedom for the few* at the expense of the *repression of the many*. It has never delivered universal freedom and is in fact incapable of it precisely because it operates to concentrate wealth in the hands of a small number of people, but cannot ensure that they use this wealth wisely or in a socially responsible manner.

Planning is required, therefore, precisely to ensure that all citizens enjoy equal freedoms – and these include basic human rights, such as food, housing, education, health, a sustainable and enjoyable environment, and the steady enhancement of the human spirit.

Once we admit that a market system is capable of producing systemic failures, especially on the scale observed in 2008, we have to abandon any doctrinal commitment and simply ask ‘what is working, and what is not?’ Then, we have to plan to deal with what is not working. This is not at all a doctrinaire response, but an eminently pragmatic and practical one. Planning is certainly necessary, for example, wherever and whenever the market threatens human life. A case in point is the ecological threat of irreversible damage that we now face. Good but poignant examples are the Grenfell Tower disaster in London or the flooding in Irkutsk, both of which were caused because private investors and companies recklessly tried to make extra profit at the cost of human life and welfare.

In fact, a good example of the need for planning and regulation is, actually, fire regulations. These are not a mindless bureaucratic impediment to the market, but a necessary conscious overriding of the market. A humorous illustration comes from the early history of the United States when, in a number of cities, Fire Brigades were private services and competed with each other. The consequence was, first, that when two rival fire brigades were called to the scene of a fire, they began fighting with each other instead of putting out the fire. They even began starting fires in order to create extra custom. This demonstrates, both comically and tragically, why there are very important instances when planning and regulation are absolutely necessary and the market clearly ‘does not work’.

But why stop at disaster management? 2008 was a *systemic, worldwide* disaster. The failure of Russian investment to realise the 4.8% of which the Russian economy is capable, attaining only 1.8% instead, is a *systemic national* disaster. The Russian state therefore should step in and do what is necessary to defend Russian citizens against both world and national market disasters, and to direct resources in such a way as to achieve what the market has failed to deliver. Above all, it has to take firm charge of *investment*, setting out (and subjecting to democratic decision) the national priorities of the economy and acting to ensure they are met.

This is hardly convincing evidence that planning is an economic failure compared to the market.

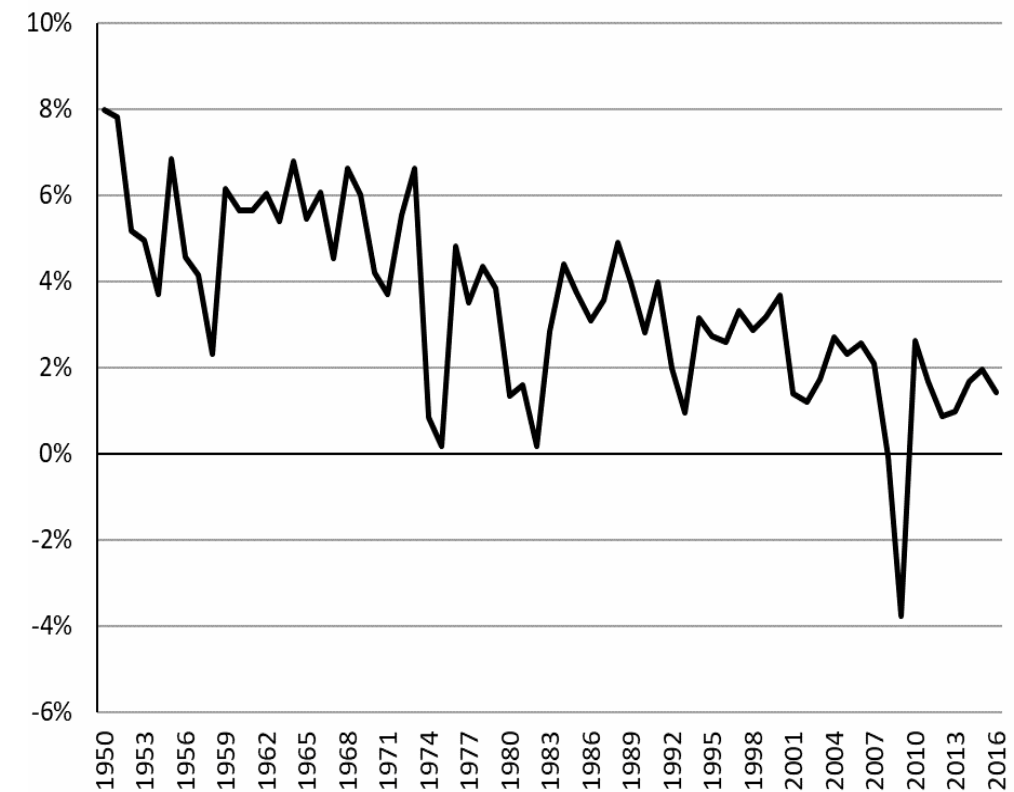

Chart 2: Average Annual growth of GDP per capita of the Industrialised countries

Notes: See Freeman (2019a) for detailed description of sources. The chart exhibits the population-weighted average of the annual growth rate of GDP in constant local currencies of 2010.

Focussing now on Russia, is it doing any better as a market economy? It was announced at the RAS plenary that though Russia’s potential growth rate was 4.8%, this has not been realized because of large-scale under-utilization of capacity and because investment is well short of savings. Nor is this an especially Russian problem. Chart 2 shows the trend in the average growth rate of the industrialised countries, which has declined continuously

since the high points of the 1950s and is now no more than 2%. This is consistent with the evidence from the advanced economies, which shows that the main cause of the current slowdown is a failure of investment, as shown in Chart 3.

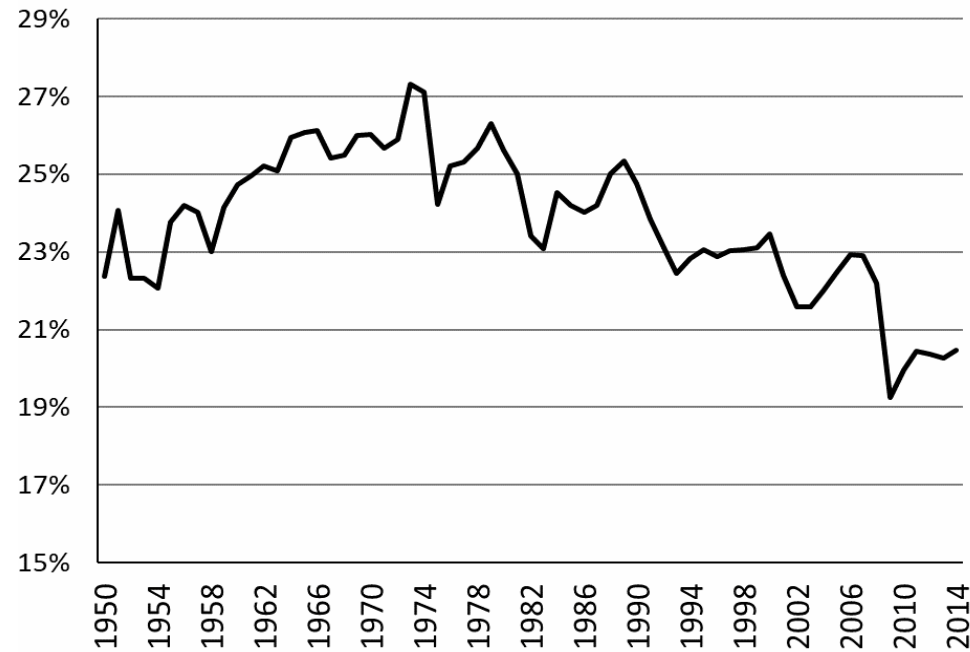

Chart 3: Investment as percentage of GDP, all industrialised countries

Notes: See Freeman (2019a) for detailed description of sources. The chart exhibits total fixed capital formation divided by GDP, both in current prices converted to USD at market exchange rates.

Myth 2: Rich Countries don't Plan

The neoliberals have two 'trump cards' in winning the argument, once the pretence that the market is efficient is dropped. The first is the argument that the richest economies in the world are all market economies. This proves, they say, that the market works, and planning does not.

The only problem is that, in fact, planning is widespread in the rich countries. First of all, as Ha-Joon Chang (2002) and Radhika Desai (2013) point out, virtually all of them did plan extensively in the past.

method for translating *general social and economic goals* into *rules* which govern social conduct. A modern theory of planning would therefore establish how to translate social goals into rules and how to secure the implementation of the rules. An emancipatory planning system would do this in such a way that the goals, the rules, and the implementation are under the control of the citizenry.

With this in mind, we turn to the question: what, in modern society, actually needs to be planned? What should form part of the corpus of social and economic goals which governments need to establish, in order to further well-being? What should be subject to social regulation, and what should be left to the free choice of the individual?

Systemic Market Failure and the Need for Planned Investment

It might be argued, in response to the above, that planning is all very well at the level of a city or for limited systems, such as traffic. Once the doctrinaire elements of the neoclassical critique have been eliminated, we find that the real question under discussion is not *whether* to plan, but *what* to plan. Above all, neoclassical theory proposes, the fundamental 'freedom' to be left to the individual is market freedom – the freedom to buy and sell.

This question, finally, needs to be answered with reference to the principal dogma of the neoclassical view: the *assumption that the market works*. This assumption is now severely challenged by many recent events, such as the 2008 financial crash, the growth of inequality, the persistence of massive poverty worldwide, the growing threat of war provoked by corporate greed for resources (e.g. oil), and, not least, the danger of irreversible changes to the climate threatening the very existence of life on the planet.

The extreme claim that the 'market always works' is clearly wrong, and I have demonstrated this in relation to the urban planning of London. Moreover, as regards modern industrial economies, the 2008 crash raised, in the view of many economists (see for example Colander 2009), the spectre of *systemic* failure.

What exactly is systemic failure? It means, in my view, two things. First, the failure is not *local*. In 2008, the market did not merely fail in one sector, or in one city, or even in one country, but over the entire financial system. Second, the cause of the failure is the *system itself*, not some external cause, such as bad policies, natural disaster, terrorism, etc.

In this light, we can see how wide of the mark are the criticisms of von Mises and Hayek. There are two flawed assumptions in these criticisms. The first is the assumption that *agency of the plan will be a bureaucrat*. They basically assume planners will control the exact movement of everything. But in fact, the agency of a plan can be anyone or anything. A plan is no more than a conscious agreement to achieve certain objectives by taking certain actions – in a sense, every coordinated human action is a plan, so when a family takes a trip to the seaside, that constitutes a small plan.

The additional requirement for a system of rules, and a means of administering them, arises when the complexity of the coordination reaches a certain point – it is associated in some sense with the number of people involved and the number of variables to be agreed upon. The rational kernel of von Mises critique of central planning is that, if it were actually conducted as he conceived it, this complexity would increase, as a function of the number of people and the number of commodities, at a greater rate than these numbers, so that it would rapidly become very large.

But this holds only because he assumes – and that is the second flawed assumption – essentially that every single interaction between every human, every other human, and every variable, is carried out by a planner. He confuses *devising* the rules with *implementing* the rules.

The difference is the most obvious if the agency is the individual citizen. If one were to try and create and implement a von Mises model of car driving, we could quite probably prove it was impossible. But actually, drivers just do what they want, within the constraints of obvious and agreed on rules, like driving on the correct side of the road.

The agency can equally be a corporate entity: colossal amounts of coordination between large entities were involved in such engineering feats as building Crossrail or the construction of the Olympic Park. It can equally be a cooperative entity in which decisions are taken in common by the cooperative members.

And, significantly, it can be an automatic system, as with traffic lights or, on a more ambitious scale, the Congestion Charge. And this is where modern technology comes into play – it becomes more and more possible for the functions that were previously carried out by bureaucrats or officials to be carried out by machinery – the Oyster card being a case in point. Let us in this light redefine what planning consists of: it is a

Figures like Hamilton in the USA, Colbert in France, List and Schacht in Germany, all promoted national planning along similar lines to the Russian economist Sergei Witte and laid many of the foundations for the greatness of their national economies. They began attacking the idea of planning primarily not because it failed them, but because they did not want their rivals to use the same methods against them.

Chang uses the term ‘Pulling up the Ladder’ to describe the process where the rich countries climbed up to the top by means of quite extensive control and regulation and then removed the ladder by promoting so-called ‘free trade’ and deregulation, the real purpose being to prevent other countries doing what they themselves had already done. And indeed, the small number of ‘new arrivals’ since WWII, such as South Korea or indeed Japan, achieved this by applying very strict controls on trade, capital movement, and investment.

But second, planning is extensively practiced in market economies. *Within* large capitalist firms, especially the most successful ones, there is a meticulous level of planning.

Corporate planning has moreover undergone a qualitative leap with the arrival of computing technology. I myself worked as a computer programmer and database designer with companies like Sony, which in the late 1980s implemented a system that was to become one of the first international Just-in-Time systems. Every time a Sony product was purchased, in any country in the world, the company would relay the replacement demand to the suppliers of every single component in the product – which numbered hundreds if not thousands. This would have been impossible without the three technologies of electronic communication, large-scale databases, and automated order-processing. It illustrates one of the key points of this article, which is that these new technologies have transformed the nature of planning and what can be done with it.

Effectively, automated logistics are now a new ‘force of production’. Thus, we have to take a fresh look at planning based on our understanding of how these technologies change the game. I will argue that they allow us to frame planning in a very different way, as the *democratic control of the means of administration*. This hinges on controlling the *rules*, or *algorithms*, on the basis of which administration is conducted, which is possible to the extent that administration is itself automated.

Moreover, virtually all major cities, and many regions, have detailed plans covering such issues as transport, traffic management, construction, waste disposal, policing, etc. I myself was responsible for gathering evidence and data to support the plan of the Mayor of London from 2000-2010, when I established, and worked in, the Economic Intelligence Unit of the Greater London Authority (GLA). Moreover, the idea of having a city plan was not the whim of a socialist mayor: the UK government imposed on the GLA the legal requirement to produce such a plan every year.

In fact, planning is just another name for democratic control of life. The issue is not ‘whether to plan’, but ‘what to plan’ and ‘how to plan’. The economic liberals do not really object to ‘planning’; what appals them is the democratic control of *investment*.

Yet it is precisely the failure of investment which lies behind the current troubles, as Chart 3 shows. Planned investment has become a necessity of national survival; it is an existential issue.

Myth 3: Planning Interferes with Freedom

The economic liberals’ second trump card, for which Hayek is originally responsible, is the argument that planning interferes with freedom. This has particular resonance in the former Soviet Union because planning is associated with (a) bureaucracy and ‘being told what to do’ by petty officials and (b) *arbitrary power* that is used to serve corrupt purposes and over which the citizen has no control. Of course, this experience is not confined to the former Soviet countries; however, it is convenient for the opponents of planning to propagate the illusion that this was a disease of Soviet society alone.

The rational kernel of this view lies in the fact that planning, if administered by humans, gives the administrator – the bureaucrat – power over another human. We are all familiar with the annoyance, frustration and sometimes real damage and pain that can be inflicted by a petty official with powers over which we have no control. Small business complains endlessly about ‘red tape’; working class people have to put up with the destructive power of police, petty officials in charge of welfare benefits or, as in Trump’s America, SS-style racism from immigration officials and the notorious Border Patrol. Tax officials, not to mention traffic cops, are the uniform target of hatred of all classes.

Park. Without a detailed study of the housing, transport and employment consequences, providing indicative targets for a wide range of stakeholders, this could not have been done.

A Different Concept of Planning

The above very brief outline serves, I hope, to demonstrate how barren, and out-of-date, is the standard concept of central planning targeted by von Mises, Hayek, and neoclassical doctrines in general. Planning did not mean the GLA sought to control every bus made, every journey undertaken, and every house built. It did mean that the GLA set a series of very clear targets for transport, employment, housing, etc., and then used a combination of four tactics to secure them:

(1) It established ‘mega-projects’ – such as Crossrail and the regeneration of Stratford – which drew in large amounts of capital investment. These became a magnet for further investment and created the incentives for partners to work with the GLA;

(2) It established or negotiated *rules of conduct* for partnerships and construction projects to secure the plan’s objectives. It also established new rules of conduct for transport and traffic, such as the Congestion Charge. This further increased the incentive to work within the plan and the disincentive to ignore it;

(3) It used a mixture of ‘sticks and carrots’ to redirect public priorities. Thus, by making public transport faster, more affordable, and simpler, it lured drivers away from the cars – and with the Congestion Charge, it made it more expensive to keep driving;

(4) It established wide-ranging *partnerships* – both with civil society bodies, such as trade unions and community organisations, and with business – to implement the projects and the rules.

This required detailed planning in the precise sense of coordination – the very function that the Hayekian market is supposed to achieve, but had utterly failed to deliver in the years preceding the London Plan. The rules had to *work*: the supply of transport and housing needed to match the growth and geographical distribution of population and jobs. Obviously, if it had set rules that could not work, for example by failing to build transport links between centres of growth, the plan would not have worked. The job of the planners was not to tell people where to live and which bus to catch, but to ensure that the places to live existed, and the buses travelled to them.

It was more profitable to invest in a rising price property market than to build new houses. Income that could have been used to alleviate misery and meet the need for housing generated by the new arrivals beating a path to London was allocated instead to the Real Estate market, fuelling the speculative boom that was to lead to the 2008 financial crash.

The GLA's plan was a response, at every level and in every sector, to the gap between what was needed and what private investment had failed to provide.

This is what planning really consists of: responding to what is socially needed.

As regards transport, we embarked on an ambitious new investment plan, building many buses and instituting fast bus lanes, creating new underground lanes and mobilising 30 billion pounds to build London's first fast rail commuter system, Crossrail. We imposed a congestion charge to lower the number of cars entering Central London. We reduced the complexity with a revolutionary travel card – the Oyster card – which became the prototype for most city 'tap in, tap out' gate control systems today, including Moscow's Troika card.

As regards housing, the GLA's powers were few because, unlike its predecessor the GLC, it had no housing powers, and under Thatcher, the public sector had simply stopped building houses. It therefore used indirect methods – which were, however, not without effect. It created partnerships with businesses who were (rightly) concerned that high housing costs were driving lower-paid 'key workers' out of London. It used powers to approve or disapprove any proposal for new buildings, such as shopping centres or offices, to insist that affordable housing was included in the package. Most importantly, it launched large regeneration projects, culminating in the redevelopment of a large low-income district of London in the North-East district of Stratford. It arranged to construct a new large rail interchange which linked the Eurostar cross-channel trains to the tube network and to the new Crossrail project. It fought for, and won, the 2012 Olympics and oversaw the building of a huge new complex around the Olympic stadium and Park.

These initiatives would have been impossible without planning because they were *coordinated*. To take just one example, the new Crossrail link 'worked with' the regeneration of Stratford through the siting of the new rail interchange and the construction of the Olympic

But once we express the matter in this way, we can see what the problem is: it is not planning but the way it is implemented. It is the power that planning gives one human over another. This opens the door to corruption, abuse, and petty privilege.

Moreover, such petty power exists equally in market societies and, if anything, more so because the opportunities to use power for private gain are much larger if it is possible to make money by doing it. Planning agencies in the city administrations of the rich countries are notorious centres of scandals and corruption, not because of planning as such, but because enormous fortunes can be made by the misuse of power if the bureaucrat has power not just over whether a house is built, but over who the contract is awarded to. The film *Leviathan* exposes remarkably well how small-time officials can brutally override the rights of those under their power, in the pursuit of personal fortunes. But let us not forget that *Leviathan* is set in a market economy: modern Russia.

This exposes the fundamental problem inherent in the fact that administrators can make personal gain, *especially* the acquisition of wealth, by the arbitrary exercise of power. In short, the problem is not planning: it is the interaction between planning systems and the market economy. In particular, it is the toxic combination of the power of the bureaucrat and the opportunity to amass wealth that causes the ills wrongly attributed to planning as such.

This is clear from the functioning of systems such as rail networks, which are intensely planned but provide no opportunity for private gain. Nobody begrudges a train driver or control operator for ensuring they get to a destination on time, because there is no gain to be had from delaying one train and speeding up another. To the contrary, we get angry when the administrator does *not* do her or his job, so the trains do not run to the timetable.

How, then, can the arbitrary personal power of the bureaucrat be curtailed? The example of the train system provides the answer: what we expect and need of an administrative system is that it should operate according to *rules*. What do we want from the transport controllers? That the trains *run on time*, i.e. conform to the published timetables, which are nothing more or less than a set of rules that allow us to conduct our lives. This *increases* freedom; the more certain we can be of leaving point A at a definite time and arriving at point B at another definite time, the less we have to worry about the boring business of getting from A to B and the more we can concentrate on the important things of life.

But this example sheds bright light on what planning really consists of, which is a long way from the Hayekian myth of a system in which every individual transaction must be subject to the mediation of some petty individual who *decides* who will get an orange and who will get an apple. Planning in fact consists of a set of *rules* which decide who gets oranges, who gets apples, and how many. The real issues are then:

- (a) Who decides what the rules are?
- (b) Who implements the rules?
- (c) Who controls the way the rules are implemented?

In a democratic, emancipatory system, it should be the citizens who both decide what the rules are and control the way they are implemented. The question ‘who implements the rules?’ should be answered in such a way as to provide for these democratic safeguards. The concept of ‘democratic control over the means of administration’ is put forward in order to explain this idea.

Once we put things in this way, we become aware of the great diversity of possible planning systems at our disposal, and we can get away from meaningless (and ideological) discussions on whether ‘planning’ is better or worse than the ‘market’ and discuss *how best to plan*. Nobody in their right mind would propose that it could be more efficient to create a market in commuter travel than simply to publish a timetable and employ professionally competent people to ensure that trains and buses run on time. The question is how to make sure it happens.

One example might illustrate the key question ‘who implements the plan?’. Let us consider the innocuous question ‘who polices the side of the road that cars drive on?’ This is a planning rule: in some countries we drive on the left, and in others on the right. But once it is established, everybody drives on the same side of the road. Who enforces this rule?

Actually, *nobody* is in charge of enforcing this rule. The occasional driver may get it wrong, but the penalty is *socially imposed*: if you drive on the wrong side of the road you are likely to have an accident, and in any case a lot of angry people will call you to account by hooting at you, and so on. This does not call for an army of bureaucrats. Of course, there are traffic cops, and some offenses, such as jumping the light, do require some kind of enforcement mechanism – you can lose your license if you offend persistently; however, you do not have to get a permit every time you want to turn right.

years, but by 1999 new house construction had fallen to 15,000 per year – one house for every seven people. The effect was entirely predictable and is shown in Chart 7: house prices soared.

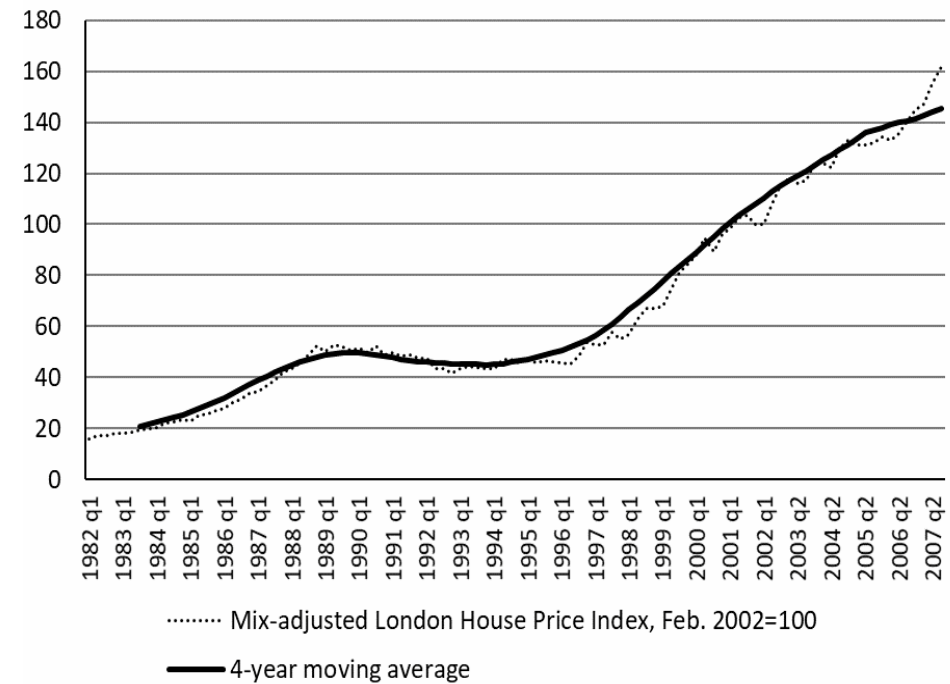

Chart 7: London House-price index Source: GLA 2002.

The problem was that the market did not, in fact, perform as Hayek fondly imagined. It did not coordinate supply and demand. Of course, if soaring house prices had induced the private sector to invest in building new houses, it would have been wonderful. And if soaring demand for transport had let London Underground to invest in additional lines, buses, and trains, that would have been wonderful too. But in both cases, the market sent the wrong signals. It induced the property market to invest in speculation, and it led the transport oligarchs to simply raise prices – the traditional response of any monopoly supplier.

Britain's fifth largest city. This placed enormous strain on London's infrastructure. Nobody had thought to provide extra housing stock, no significant investment in transport had taken place, there were too few schools and too few hospitals. Traffic was filling up the roads to the extent that its average speed was slower than in 1912. Pollution was at an all-time high.

Thatcher maintained that the 'market' would take care of it.

It did not.

Chart 5 illustrates this clearly. Between 1994 and 2000, the number of people entering London on public transport at the Morning Peak rose from 750,000 to 950,000. If the market had responded, investment in new transport would have risen – but instead it sank, from a 1992 peak of 400 million pounds to a 1997 low of 150 million pounds. This was a catastrophic fall, with all the results that could be expected.

Chart 6 illustrates the housing shortage and its sources. A starker illustration of market failure would be hard to find. By 1990, London's population had started growing at the rate of one million people every ten

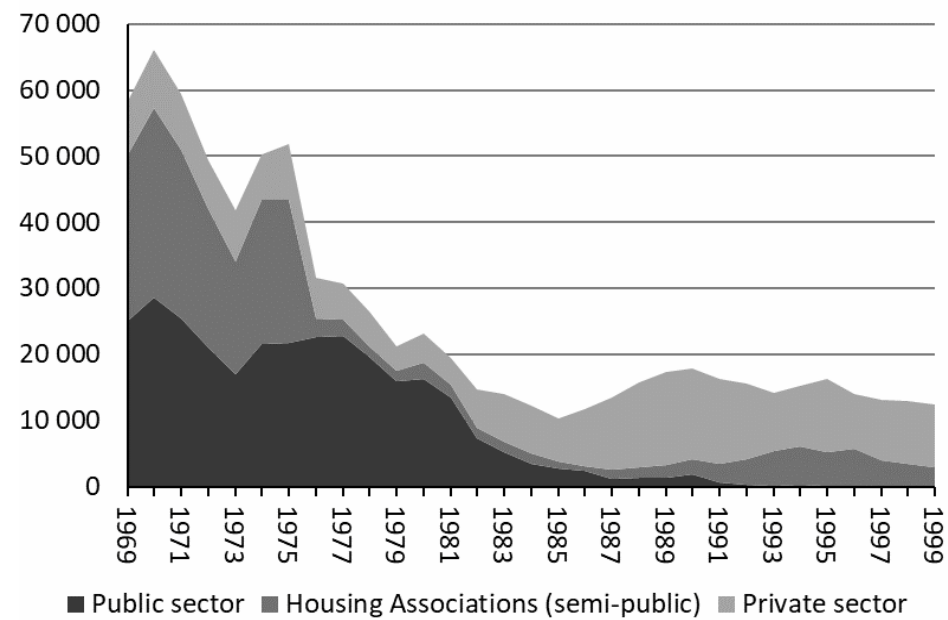

Chart 6: new housing units constructed in London by type of provider Source: GLA 2002.

No Hayekian or von Mises-ist, to my knowledge, has ever proposed that a driver's choice of which side to drive on should be a market decision. No Hayekian has ever denounced the rule that we all drive on the same side of the road as a fundamental infringement of human freedom. It is a simple rule of survival. The point is this: it is a planning rule enforced by society as a whole. For the main, no bureaucratically-empowered individual administers it.

The question is then as follows: can we extend this same principle, i.e. that society itself should be the enforcer of recognised planning roles, to other domains, and eventually to the administration of society itself? And would this constitute a 'road to serfdom'?

A second question immediately arises: can we have the rule imposed by an *automatic* process, not by a human? Of course: for example, most major traffic junctions are controlled by traffic lights, not policemen. And moreover, increasingly, the jobs that used to be performed by bureaucrats are performed by automatic systems – so, for example, the Congestion scheme in London was implemented by Artificial Intelligence software which recognised the license plates of every vehicle crossing in and out of the Congestion Charge Zone and automatically decided how much to deduct from the driver's account.

Now, people may object to being fined for travelling in the Congestion Charge Zone, and they do so, quite vociferously. But what they object to is the planning law itself, not the *way the planning law is enforced*. And this they can change by democratic means, by voting in candidates to the government of the Greater London Authority who will change the planning law. However, it is simply not possible for some petty corrupt police officer to take bribes for 'looking the other way', or extort extra fines from offenders, or discriminate racially in deciding whether or not to fine people. The process is automatic. The issue to address is then not the fact that the traffic system is planned, but how we can democratically control the rules that are written into the machines, and if need be, the functioning of the machines themselves.

In short, automation – not the market – supplies a way to reduce bureaucracy which can preserve freedom, provided we have adequate control of the rules and the machinery. A major task of a modern planning theory, I therefore conclude, is to find the correct relation of humans to machines. It is, in short, the *democratic control of the means of administration*.

We can illustrate the issues by taking a concrete example: the governance of London. This provides a good laboratory example because we can compare periods in which London had no government and periods in which it did. In statistical terms, it is a classic controlled experiment. The history is as follows: from 1965 to 1986, London was governed by an elected body called the Greater London Council (GLC). This was abolished by the Thatcher government of Britain in 1986, and for fourteen years, London had no overall government; each of 33 boroughs took purely local decisions on issues such as waste management or housing, whilst an unaccountable body, London Transport, ran the underground network. Moreover, pressure for privatisation took many services out of public hands, both under Thatcher and the Labour government of Tony Blair (and then Gordon Brown) first elected in 1997.

An Illustration: Planning for London's Growth

The Labour government then established a new body to run London called the Greater London Authority (GLA) with a directly-elected mayor in charge. The GLA had fewer powers than the

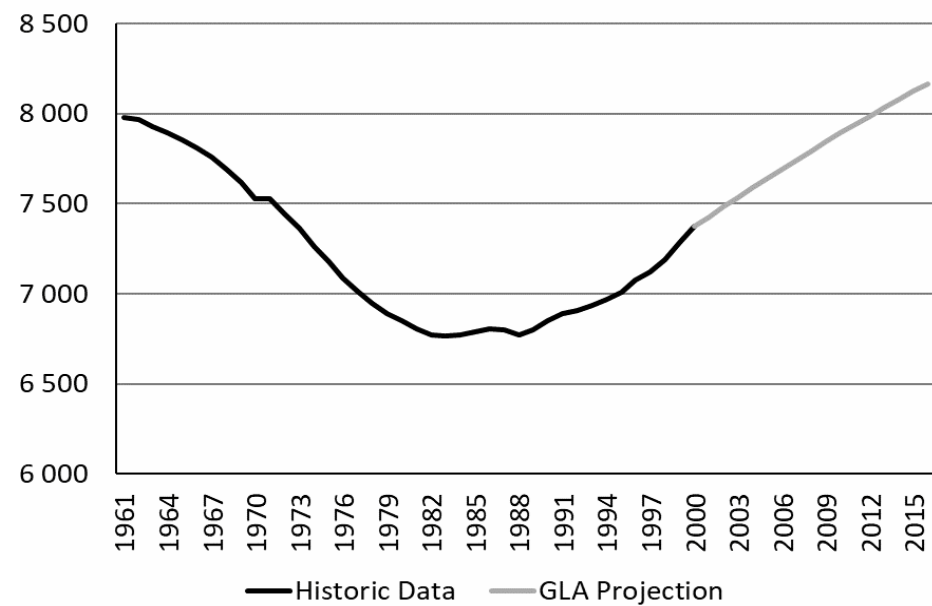

Chart 4: London's population 1961-2015 (in thousands) Source: GLA (2002).

GLC, but it did have responsibility (either by direct control or by making appointments and setting budgets) for transport, waste management, the police, and various other aspects that gave it planning authority. Importantly, it was obliged by law to produce an annual Economic Development Plan, which became an important governance instrument even though the GLA had relatively few planning powers. This is significant: the plan was not a set of detailed instructions, but an overall set of objectives which allowed both state bodies and private citizens to *coordinate* their activities. In short, it performed the very function which, according to Hayekian thought, only the market could undertake.

The most fundamental problem facing the GLA soon became clear. London had undergone an unprecedented rise in population from 1991 onwards. Between 1983 and 2000, 700 thousand people were added to London's population, more than the number of people living in Bristol,

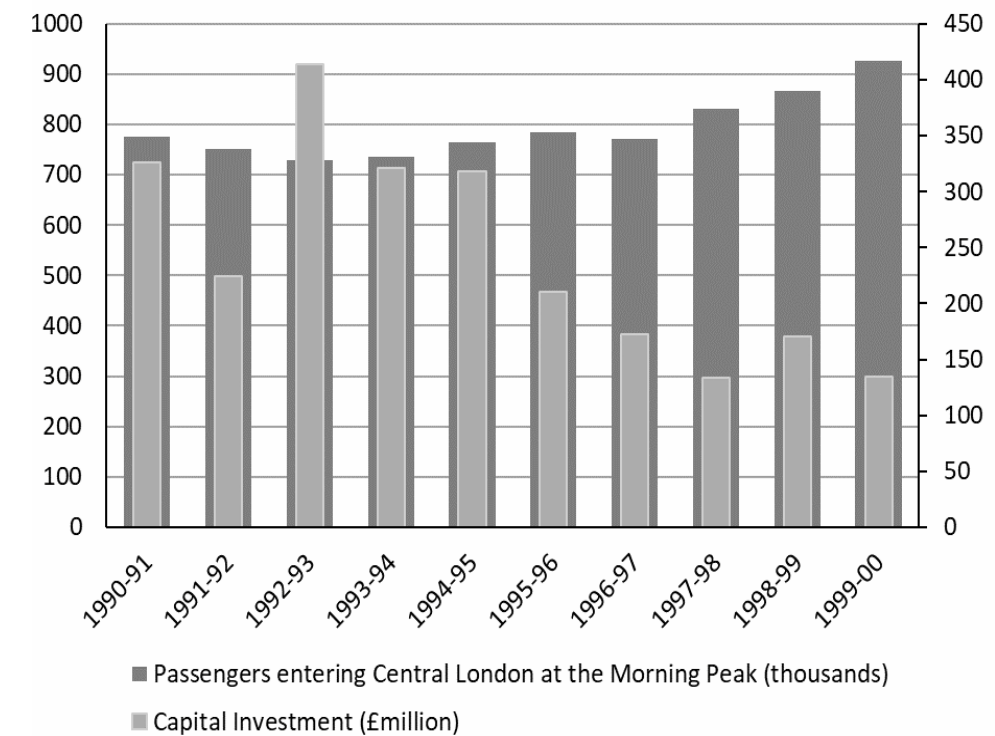

Chart 5: Ridership and investment in London's transport system Source: GLA 2002.